А. Черняев
Проект.
Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1984 год.

1984 год.

4 января 84 г.

Вернулся из «Пушкино», где проводил отпуск, оказавшийся не совсем удачным.

Вчера звонил Брутенц. Рассказывал об активности Пономарева, который требует планов, инициатив, ругал де меня и Вебера, что не представили план «работ о социал-демократией» (мы их по три, четыре раза в год представляем и они все валяются у него в ящике). В общем Б.Н. – в своем амплуа. Это уже не стиль, а болезнь. Старческая болезнь неуемной, пустопорожней активности. 17 января ему – 79 лет!

8 января 84 г.

В пятницу (6-го января) я вышел на работу. Однако, Пономарев мной не интересовался. Обсудили с Джавадом (зав. британским сектором) разные дела: приглашение Киннока в СССР, заявку Макленнана на приезд, наконец, во главе с делегацией (заботы: обеспечить ему уровень, ведь с 1967 года он с нашим Генсеком не встречался), австралийские проблемы, затем Клэнси и как с ним быть, поскольку формально он «никто», и как быть с самой этой партией и ее лидером, впавшим в «ревизионизм» Саймоном, которому мы перестали платить; ирландские проблемы – 10-го января приезжает О'Риордан, придется объяснять наши связи с недавно возникшей рабочей партией.

Жилин в своем стиле. За время моего отпуска его на работе не видели.

Брутенц просидел у меня больше часа. Обсудили мы, почему Пономарев не любит Вебера, лучшего нашего консультанта и порядочного человека. Я высказал предположение, что Б.Н.'а коробит фамилия: не потому, что он сам «антисемит», этого нет, а потому, что другие (со стороны и сверху) могут подумать о нем, Пономареве, плохо за то, что держит «какого-то там еще Вебера» в аппарате ЦК. Для Б.Н.'а же чужое мнение (да еще влиятельное) существеннее всякой истины и элементарных интересов дела. Карэн засомневался в такой «концепции».

Говорили опять и опять о наших перспективах, т.е. о месте Международного отдела в современной политике (в андроповскую эпоху). И опять посмеялись над собой: пока Б.Н. на месте, ничего не будет сделано серьезного. Конечно, есть объективные причины нашей беспомощности и бесплодия: объект нашей деятельности либо сам беспомощен, либо «неуправляем» из Москвы. Но даже в этой ситуации можно было бы делать хоть что-то полезное и интересное, если бы не стиль Пономарева, не традиции, которые душат все живое, современное, если бы не циничный прагматизм, который он насаждает исключительно ради того, чтоб казаться «практически полезным» своему начальству. Но достигает – прямо противоположного. Все больше и больше ощущается, что его лишь терпят, так как нет платформы (новой концепции наших отношений с революционными силами), при сопоставлении с которой стиль Пономарева оказался бы явно негодным. Да и просто руки не доходят.

Поговорил с Козловым (консультант Отдела). Оказывается, его и Пышкова Б.Н. подрядил на систематизацию предварительных материалов к Программе КПСС. У Леши впечатление, что на данный момент (а в марте уже представлять в Комиссию – Андропову) это набор статей и набросков, как правило, мало пригодных, чтобы войти в партийный документ исторического предназначения. Везде господствует конъюнктура, никто не видит, куда пойдут события дальше – во вне, внутри. Поэтому ничего нет и интересного, действительно программного.

Да и вообще смех – поручать такое дело Пономареву, который начисто лишен какого бы то ни было теоретического смысла и малейшего вкуса к теории. Он просто не понимает, что это такое. Для него теоретично, значит громче, «красивее» (словесная декламация), привлекательно пропагандистски.

Любопытно, почему меня Пономарев никогда не привлекал к Программным делам и подобным делам, например, к проекту Конституции? Наверно, потому что меня он, как и Вебера, не считает теоретически мыслящим. И в самом деле, у меня идиосинкразия к «теории», как ее понимает Пономарев и ему подобные.

В воскресенье (6-го) был днем в «Манеже» на выставке молодых художников МОСХА. Очень слабо по технике, очень подражательно. Но что особенно удручает, - не чувствуешь, зачем, собственно, они стали художниками, что они хотят стране, народу, к чему устремлены в высоком смысле. И в манере, методе письма тоже не видно какого-то нового направления. Убого. И, наверно, отражает нашу «человеческую ситуацию».

15 января 84 г.

На работе всякие мелкие дела. А с 11-го числа – редколлегия в «Вопросах истории». Ничего особенного, хотя выступал несколько раз. Все-таки даже у нас, в очень демократическом коллективе, и порядочном (за 15 лет никто никого не запродавал, ревизионизма не клеил, хотя часто и резко друг с другом не соглашались и мнения расходились диаметрально). Так вот – даже в нашей, весьма приличной редколлегии, верх берет претенциозный дилетантизм (в данном случае – безграмотные, но весьма идеологичные разглагольствования Гапоненко о статье Ю. Афанасьева апеллирующей «новую историческую науку» во Франции).

Отдал в редакцию рецензию на статью Фомина, в которой он пытается доказать, что в 1968 году в Англии существовал профашистский заговор (государственный переворот) во главе с лордом Маунтбеттеном. «Завалил» я этот графоманский вздор. Но каково! Признанный известный профессор считает возможным всерьез предлагать печатать вздор. Для гонорара в 50 рублей? Для умножения публикаций? Чтоб не забыли как автора? Ради сенсации? Нравы! Тут то же, что и везде.

19 января 84 г.

Загладин рассказал, что Б.Н. среди разного рода текущих дел вдруг говорит: «Я копался в старых бумагах и обнаружил любопытную вашу записку 1968 года». И показал. Оказывается, в дни встречи на Чьерны-на-Тиссе он, Б.Н., поручил Загладину составить нелицеприятный (только для него) анализ – что будет с МКД, если введем войска в Чехословакию. Вадим это сделал. Пономарев, прочитав, сказал: «Ну и ну! Я сохраню это ваше мнение. И уверен, что через несколько лет вам будет стыдно это прочитать». Так вот, теперь он нашел эту бумагу и, напомнив о ней автору, сказал: «Правы вы были, Вадим Валентинович!» … и убрал ее обратно в сейф.

Сегодня я был у Куценкова на новой квартире возле площади Маяковского. Генеральская, на мотоцикле не объедешь. Позавидовал его погруженности в свое дело (касты в Индии и главный редактор журнала «Востоковедение»). Выпили. И обнялись душой. В общем-то полного, настоящего по-мужски друга, кроме него, у меня нет. Это надежно, это тепло, это без комплексов и это не ограничено только «идейно-политическим родством», как с Брутенцем. Тут все вместе, полная близость и доверие, мужское.

Эйдельман мне подарил свою последнюю книгу о Карамзине. Он считает, что учился у меня в МГУ в начале 50-х годов. Кажется, против него развертывается кампания.. «Литературка» уже дважды его кроет. Что бы это значило?!

Пора начинать готовиться к докладу на партсобрании по итогам Пленума ЦК. Поручили. А у меня нет ни сил, ни вдохновения, чтоб что-то придумать применительно к нашим делам.

И вообще нарастает безразличие к работе. Утром поднимаюсь, с отвращением думая, что надо опять идти туда на весь день. Так длительно не бывало никогда такое состояние. Возраст… и «стратегическая» усталость. А главное – утрата объективной цели

усердия. Все бессмысленно и напрасно, пока во главе Пономарев. Сегодня эту тему в течение двух часов обсуждали у Загладина (я и Брутенц). Впрочем, Вадим для себя решает все проблемы просто: конструирует схему очередного доклада по МКД в Ленинской школе.

Карэн рассказал о вчерашней встрече Черненко и Пономарева с Вильнером (генсек КП Израиля). Этот умный местечковый еврей по-русски разъяснял нашим, что нельзя так бороться с сионизмом (отождествляя его с фашизмом): глупо, вредно, бесперспективно, никому не понятно. Черненко вроде «воспринял», а Б.Н. дал отпор. Однако, механизм уже задействован. Сегодня я прочитал решение ПБ о создании, помимо общесоюзного антисионистского комитета, подобных комитетов в республиках и в крупных городах. Ничего тут не поделаешь: действует иррациональная сила, привитая Сталиным в 1948-49 годах.

Купил новое издание А. Платонова. Впервые прочитал его литературное эссе (даже не знал о них), в том числе о Пушкине. После Достоевского его слово о Пушкине – единственное, несмотря на всю мощную пушкиниаду, действительно оригинальное и современное о великом нашем гении – бессмертное на всю советскую эпоху.

22 января 84 г.

Рассказ Крупина «Семейная сцена» в «Литературной газете» от 18 января. Помимо глубины и блеска, поражает легализация внесемейной любви и общения – как главное в отношениях современных советских мужчины и женщины.

Субботу угробил на подготовку доклада к партсобранию по итогам декабрьского Пленума. Напридумывал всего, пока самому интересно, но как будут воспринимать. Но это зависит и от того, в каком настроении произнести.

26 января 84 г.

Вчера участвовал во встрече в Кремле «наших парламентариев» (Пономарев и др.) с лидером либеральной партии Англии (наследником Ллойд-Джорджа) Дэвидом Стилом. Еще присутствовали Чаковский, Рубен (от Верховного Совета), Замятин, генерал Червов.

Со Стилом был лорд, лидер либералов в палате лордов и еще четверо. Они прибыли наживать политический капитал для будущих выборов. Но не удержались от злой полемики все на ту же тему: Афганистан, почему в Лондоне «Правду» можно купить, а в Москве «Times» нельзя. И т.д. И вообще, они хотели бы разрушить стену «непонимания», идеологический барьер, мешающий «нормальному» общению, на условиях принятия нами парламентских правил дискуссии.

А до этого – нервные стычки с Б.Н.'ом при подготовке ему «памятки» для произнесения вводной речи перед англичанами. Меня заставил выступить по поводу антивоенного движения. Я был краток и вежлив. Генерала с его цифрами ракет они слушать не стали, а развязная болтовня Чаковского вызвала у них иронию и насмешки. По ходу он осадил Пономарева, когда тот пытался прервать его фонтан.

Говорят, что на приеме в британском посольстве, где главным от нас был Рубен, он произнес 50-минутный тост абсолютно кретинского свойства. Англичане были шокированы.

Господи, откуда взяли таких идиотов в качестве руководителей наших двух палат Верховного Совета – Шитикова и этого Рубена?!

Вчера делал доклад на партсобрании отдела по итогам декабрьского Пленума ЦК. Сам не очень был доволен, вроде сникал к концу доклада. Но сегодня получил ворох искренних восторгов и поздравлений…

1 февраля 84 г.

Собираюсь в Люксебург. Пономареву до этого нет дела. Он мытарит меня со своей избирательной речью. Хочет, чтоб было «впечатляюще», но, чтоб ничего нового (т.е. сверх Андропова-Громыки). Понимает, что мне все это осточертело. Когда давал мне соображения по уже написанным 30-ти страницам и вздыхал недовольно, вошел Брутенц. Стал иронизировать: чего, мол, ты (т.е. я) такой смурной? Б.Н. откомментировал: «Надоело все это ему, он вот в Люксембург бежит».

А вчера в компании с Загладиным были в театре Эфроса. «Наполеон I» с Ульяновым. Кое-что. А в общем – зрелище, демонстрация искусства актеров. Для ума – нуль. Отвратительна физически Яковлева (Жозефина). Мораль сей басни – примитив.

10 февраля 84 г.

В половине третьего сообщили, что вчера в 16-50 умер Андропов. Ужасно. Бедная наша Россия. Но кончилась ли андроповская эра? Б.Н., будучи в больнице, несколько раз ездил в Кремль и в ЦК, – значит уже решили… Кого? Неужели у них не хватит ответственности перед страной, ленинской партийности – назначить Горбачева! Если – Черненко, то и эра кончится быстро и вообще…

Я болею. Сильный грипп. Заболел в Люксембурге на другое утро после съезда компартии Люксембурга. Совсем больным работал там: трехчасовая встреча с социал-демократами; председателем партии Кринсом, лидером парламентской фракции Бергом; итоговая по съезду встреча с Рене Урбани в ЦК, как он потом пошутил за ужином, «информировал его о его съезде». Несколько политических обедов и ужинов с членами нового Политбюро. На самом съезде из 11 делегаций компартий слово дали только мне. Таких оваций по поводу моего появления на трибуне я еще не знал за всю жизнь… В адрес КПСС, конечно. Но это было демонстративно и показательно.

Итоговый ужин. Великолепен генсек Рене Урбани. Его жена Жаклин работает в управлении делами ЦК КПЛ. Красавица Марианна – член Политбюро и любовница, почти открыто вторая жена Рене. Франсуа Гофман – член Политбюро, заместитель главного редактора «Цайтунг» с русским языком. Люсьен – бывший корреспондент их газеты в Москве. Были с нами армянин - посол Удамян Камо Бабиевич, Воробьев Роман Федорович – первый секретарь.

Очень все хотели выговориться и по международным делам, и по МКД, и особенно по своим соседям – французам. Кроют Марше и К^{о}, не стесняясь в выражениях: за непорядочность, оппортунизм, антисоветизм и просто глупость. Обозлены особенно, потому что всегда молились на французского большого брата, а теперь он не только позорит сам себя, но и им портит все дело: правящие круги и социал-демократы ставят Рене в пример французам: он, мол, поддерживает КПСС – еще большего главного брата и одновременно сотрудничает с «нами».

Собой я доволен. Провел всю эту акцию на хорошем уровне. И, судя по всему, им, люксембуржцам, это нужно было. Нужна была делегация, которая знает их, входит в их положение, понимает волнующие их проблемы, готова их по-товарищески обсуждать, не отделывается бюрократическими декларациями и по бумажке, сделанными заранее, еще в Москве, заготовленными заявлениями «по ряду вопросов».

Но нас таких немного в ЦК, которые могут так держаться с такими вот коммунистами…

… Что касается Люксембурга, то, пожалуй, только Загладин и я. Им важнее содержание, чем чины, хотя и это им польстило бы. Другие братские делегации были на уровне членов Политбюро, секретарей ЦК!

12 февраля 84 г.

Я все еще болею. Совестно: на работе сейчас страшная круговерть. Едут со всех концов. Только что Рейгана не будет. Но Тэтчер какова! И сама явится, и всех лидеров оппозиционных партий привезет! Конечно, Коль, Трюдо и т.п. Словом, массовый миролюбивый жест в нашу сторону. Не думаю, чтоб уж совсем не искренний: в большинстве случаев это религиозные люди, и уж во всяком случае – по традиции очень серьезно относятся к смерти, похоронам, памяти об усопшем и т.д.

Сумеем ли мы должным образом отреагировать на этот жест во имя мира? Или опять возьмут верх «классовая» подозрительность, пренебрежение к «их» нравам и правилам игры, а главное – нужды военно-бюрократического комплекса (т.е. Громыко-Устинов персонально)!

За много лет не прослушал по радио и телевидению столько серьезной музыки, сколько вчера за один день. Особенно поразил Глюк: для флейты с оркестром – как играла какая-то неизвестная мне молодая флейтистка!

Итак: много ждали от Андропова. Ждали не напрасно. Еще бы ему год-два, и он чего-нибудь добился бы. Но… А теперь вот сижу и жду – кто вместо него и как пойдет? Впрочем, формально все будет так, как начато при нем. Но у нас ведь очень много зависит от личных черт, от образа мысли и настроений, симпатий и антипатий лидера. При нынешнем переходе это будет сказываться гораздо сильнее, чем при «смене лидера» после Ленина, после Сталина, после Хрущева. Брежнев создал традицию «личной власти». После него, например, личный авторитет Андропова, как единоличного руководителя страны, не подвергался ни малейшему сомнению (если не считать страхов со стороны некоторых интеллигентов и слишком уж «осведомленных» аппаратчиков насчет претензий Черненко… Я убежден, что этих претензий не было).

И на этот раз так произойдет: кого изберут, тому на другой день и будут беспрекословно подчиняться. И уже через неделю-другую наряду с решениями «последующих Пленумов» будем выполнять «указания товарища…(?!)».

Все-таки я не теряю еще надежды, что изберут (вернее уже «избрали» - на ПБ, завтра на Пленуме лишь санкционирование) – Горбачева. Намек сегодня получен: Джавад сообщил, что во время совещания у Загладина, ему позвонили от Горбачева и просили придти в такой-то час для какого-то дела.

Возможно речь идет о «слове» с Мавзолея, может быть, о выступлении на завтрашнем Пленуме… И то и другое, если это так, обнадеживает.

14 февраля 84 г.

Чуда не произошло. Избран Черненко. На Пленум я поехал, хотя по-прежнему болен и, видимо, сильно.

Пленум почему-то опять в Свердловском зале. И, следовательно, опять надо было за полтора часа занимать место. Провинциальная элита уже наполовину заполняла зал. И все как обычно: целовались, громко обменивались приветствиями, делились «новостями» - о снеге, о погоде, о видах на урожай, словом, шел «партийный толк» людей, чувствующих себя хозяевами жизни. В этой разноголосице я не услышал ни разу упоминаний имени Андропова или разговора о «событии». К половине 11-го зал уже был полон. Бродили только опоздавшие одиночки в поисках, куда бы приткнуться, в том числе бывший управляющий делами Павлов, которому теперь уже не было уготовано «своего» места, бывший помощник Генсека Цуканов, Голиков и т.п.

Минут через двадцать зал смолк. Началось ожидание. Причем, с каждой минутой напряжение нарастало, атмосфера будто наполнялась электричеством. За пять минут до одиннадцати в зал сбоку вошли как обычно кандидаты в члены ПБ и секретари, и как обычно – впереди Пономарев (вечный первый среди вторых). На этот раз, правда, они не

приветствовали бодренько всех близсидящих, не тянули к ним руки в демократическом порыве слияния с массой цековцев.

Напряжение достигло кульминации. Все взоры (и шеи) – в сторону левой двери за сценой – вход в президиум. «Кто первый?!»

Ровно в одиннадцать в проеме двери показалась голова Черненко. За ним Тихонов, Громыко, Устинов, Горбачев и др.

Зал отреагировал молчанием. Никто не встал, как это было, когда, помнится, вошел Андропов на Пленуме, после смерти Брежнева. Уселся президиум. Горбачев рядом с Черненко. Еще ничего не ясно…

Черненко приподнялся и, низко склонившись над лежавшей на столе бумажкой, стал тихо астматическим голосом быстро говорить какие-то слова о покойном. Потом – о том, что прибыло абсолютное большинство и что можно открывать. Затем – что в повестке дня один вопрос – об избрании Генерального секретаря. Возражений и дополнений не последовало. Он предоставил слово Тихонову.

Тихонов спустился к ораторской трибуне и стал довольно длинно говорить о покойном и о задачах партии – продолжить начатое при нем.

Напряжение не ослабевало. Неясность сохранялась. И вот, наконец, он произносит: ПБ обсудило… поручило мне… предложить на рассмотрение Пленума кандидатуру Черненко…

Прошло несколько секунд, прежде чем произошла «разрядка» - в виде слабых, формальных и очень непродолжительных аплодисментов. (Помню, какой взрыв оваций произошел на ноябрьском Пленуме 1982 года,. когда Генсеком предложил тот же Черненко избрать Андропова. И, увы, не только я это помню!) Разочарование мгновенно пронзило зал и еще сильнее приглушило атмосферу.

Тихонов продолжал характеризовать кандидатуру: Черненко мгновенно стал и неутомимым борцом, и выдающимся деятелем, и проч. – почти все то, что эти дни было непременными атрибутами усопшего.

Тихонова проводили без аплодисментов… Я смотрел на членов президиума и мне чудилось смущение на их лицах. Будто они угрызались за то, что не оправдали ожиданий членов Пленума, да и массы партии, народа. Потому что, с кем ни поговоришь в эти дни, у всех на устах был Горбачев. И не хотели, и с неприязнью думали о том, что станет Черненко.

Потом встал Горбачев и провел голосование. Единогласно.

Потом он же дал слово «Генеральному секретарю Центрального Комитета»… Нудно, скучно, длинно тот говорил. В общем правильные вещи – поскольку это было повторением формул, слов, задач и идей, появившихся при Андропове. Ничего своего, кроме унылой манеры читать скороговоркой, иногда перевирая фразы.

Встретили и проводили его прохладно, хотя под конец и встали, но пример показали члены президиума: Тихонов и Громыко. Думаю, что именно они, да еще, пожалуй, Устинов и решали этот вопрос «в предварительном порядке» - до вынесения на Политбюро.

Вот так.

Никто про него плохого сказать не может, кроме интеллигентов, питающихся слухами и домыслами, будто по его указанию зажимают рукописи в редакциях и запрещают новые спектакли. Фактов никто при этом не приводит.

Думаю, что зла он никому особенно не сделал по собственной инициативе. Мое общение с ним минимально: ездили вместе в 1976 году в Данию на съезд партии. Он был скромен, демократичен, по-товарищески снисходителен. Но тогда он еще не прошел искуса власти. Общались изредка, когда мне приходилось держать слово на Секретариате. Помнится были у него с Загладиным, выпрашивать орден для Б.Н. по случаю 75-летия. Держится со мной ровно, но и не выказывая, что «знаком, мол, с тобой».

Опять же – все это ни о чем не говорит.

Разочарование людей связано с другим…

[Два часа смотрели похороны по TV. Особенно впечатляют гудки заводов… А таким наше руководство уже давно не снимают… при опускании в могилу. Другим же вокруг неловко выпендриваться].

Итак – чем же разочарованы?

Тем, что высший пост в нашем великом государстве может занять любая посредственность, которого судьба случайно вынесет на авансцену. В данном случае судьбой был Брежнев, который полюбил Черненко еще в Молдавии, таскал его за собой в аппарат ЦК, на должность зав.сектором по пропаганде, потом в аппарат президиума Верховного Совета в начале 60-ых, потом в Общий отдел ЦК. Сделал его ближайшим доверенным, всячески это демонстрировал в своем вульгарно-кумовском стиле руководства государством и партией. За пять лет превратил его из завотдела в члены Политбюро и второе лицо в партии. А потом уже действовала логика «стабильности» и «преемственности», не говоря уже о рычагах власти и приятельства. Но даже Брежнев, передавая бразды, понимал, что Черненко, своего любимчика и политического лакея, нельзя делать Первым, и вовремя «пододвинул» Андропова.

Разочарование потому, что этот человек серенький и убогий по своему интеллектуальному содержанию, малообразованный и свободный от всякого культурного фундамента, мелкий партийный чиновник по привычкам и «опыту работы», аппаратчик в худшем значении этого слова, не имеет к тому же никаких личных заслуг – как простой гражданин. Он даже не воевал, как все более или менее порядочные люди его поколения.

И потому еще, что как раз этот человек пришел к руководству страной, когда обозначился глубокий перелом в ее истории, когда возникло столько надежд, когда появилась уверенность (пусть зыбкая пока), что дела пойдут по справедливости и что порок, наконец, загонят в подполье, не дадут ему так нагло торжествовать свое превосходство и над нашими идеалами, и над правдой, как ее понимает народ.

Конечно, и без личного участия (во всяком случае – вклада) тележка, сложенная при Андропове, может двигаться дальше. Но…, увы, инерции пока недостаточно, чтобы она долго прошла сама, без толчков и хорошей тяги. А для этого нужен авторитет не только должности и власти. Авторитет интеллекта и «тайна», что он, этот интеллект, что-то может. У Андропова это было.

Вчера меня многие требовали из прибывших на похороны. Но я после Пленума и особенно после того, как сходил в Колонный зал (вместе со всем Пленумом), откуда опять же пешком на Старую площадь, промерз, почувствовал, что температура опять подскочила, отказался встречаться с кем бы то ни было, кроме Макленнана, который очень просил принять его по деликатному делу. Я догадывался по какому. Так и вышло. Поехали с Джавадом и Лагутиным в гостиницу на ул. Димитрова. Гордон долго и смущенно рассказывал о конфликте между ПБ и «Morning Star» (известному нам лучше его)… А смысл его жалобы (хотя он все время оговаривался, что это их внутреннее дело) состоял в том, что Москва поддержала в этом конфликте газету, которая выступает против руководства партии…

Я слушал и валял дурака: мол, ничего не знаю, может быть, это техническое дело - газета = «Межкнига» напрямую, без ведома ЦК и т.д. выдала аванс на подписку на год вперед, вместо квартальной подписки, как обычно.

Задал два «наивных» вопроса: а в чем, собственно, политическая суть разногласий между «Morning Star» и руководством партии? И еще: что же нам, мол, делать – прекращать покупку тиража? По первому вопросу он долго петлял, зная, чья кошка мясо съела (Исполком КПВ требует печатать антисоветчину по Польше, Афганистану и правам человека, а главный редактор Чейтер отказывается). Макленнан, естественно, признать этого ничего не хотел.

А по второму вопросу: Что вы, что вы! Продолжайте покупать.

Так ничем эта полуторачасовая наша болтовня и не кончилась. Ясно, однако, если дело примет огласку, придется свалить на самодеятельность «Межкниги», которая, впрочем, действовала законно, по всем коммерческим правилам.

Вчера Пономарев позвал меня, Жилина и Меньшикова по поводу текста его предстоящего выступления перед избирателями. Оно было отложено в связи со смертью Андропова. Как обычно, мелкотравчатые Б.Н.'овские идеи, которые он выдает за важные политические моменты.

На этот раз два заслуживают внимания:

1. Будем ли мы реагировать на миролюбивый жест «империалистов», прибывших почтить Андропова? Достаточно назвать Тэтчер, которая привезла с собой всех лидеров оппозиции, т.е. составила национальную команду? Конечно, мы можем просто акцентировать этот факт, как еще одну победу нашей политики и отнестись к этому жесту, как к очередному акту лицемерия, как попытку сделать вид, несмотря на «Першинги», что все прекрасно, мир обеспечен и только де «ваше» упрямство мешает диалогу. Но мудро ли это? Не говоря уже о том, что не все в этом их жесте – фарисейство. Они люди религиозные и относятся к подобным вещам серьезно. Потому, что элемент искренности явно присутствует.

Вот примерно такую тираду я сказал, добавив, что имеющийся текст весь заострен на разоблачение империализма. А от нас мировая общественность ждет сейчас конструктивного подхода.

Б.Н. поморщился. «Бросьте, Анатолий Сергеевич, все они – прожженные политиканы Что же мы из-за этого их жеста политику должны менять? Они-то ее не меняют… Ну, конечно, надо бы усилить конструктивный элемент», - сказал он, обращаясь к Меньшикову. А в целом оставить, как есть, т.е. и «учение о провалах» политики Рейгана: вульгарная демагогия, которую, впрочем, по его указанию я сам и исполнил на бумаге для предыдущего варианта.

2. Более существенно. Вопрос поставил Меньшиков: как, мол, подать, что встреча с избирателями проходит в «такие дни, когда….» и проч.

Б.Н. опять поморщился. «В такие дни… Выступление это будет не завтра, а через неделю (куда-то звонил на этот счет). К тому времени это будет уже уместно. Не знаю, впрочем, как другие. Вот надо узнать у Ермонского (это наш консультант, который в группе на даче Горького готовит речь для Черненко), как у них там этот вопрос. А вообще я думаю, не следует. Наоборот, надо процитировать т. Черненко; конечно, сказать, что партия будет продолжать линию XXVII Съезда. Дважды надо Ленина процитировать. Вы обратили внимание, что т. Черненко в речи на Пленуме сослался на Ленина, привел его слова и не один раз… А про Андропова не надо, я думаю. Впрочем, заготовьте на всякий случай абзац, но в текст пока не вставляйте».

Меньшиков, однако, проявил настырность. «Но, - говорит, - Борис Николаевич, народ сейчас больше всего хочет знать: взяточников и воров будут продолжать сажать или, наоборот, начнут выпускать… Вот в каком смысле я хотел бы знать, будем ли мы упоминать имя Андропова и необходимость продолжать начатое»…

Б.Н.: «Ну, конечно, конечно. В этом смысле надо твердо сказать, что партия будет вести свою принципиальную линию по наведению порядка. Но не обязательно при этом говорить об Андропове».

Вот так-то! И не пойму: то ли уже такая установочка. То ли тут момент личной завистливой неприязни Пономарева к Андропову.

Неужели он опять загорится надеждой – при Черненко ему что-то отвалится?

А вообще же он опять цинично и в полном пренебрежении к достоинству и чувствам «собеседников» (мы для него – говно собачье!) – во всей красе показал свою полную безнравственность. Ничего святого для него не существует.

Чтобы быть на уровне требований современной мировой политики, надо уметь подняться не только над классовыми предубеждениями, но и над идеологическими

стереотипами, которые держат еще сильнее при отсутствии классового противника «непосредственно перед твоим лицом». Это я все к тому же – как реагировать на появление в Москве Тэтчер и иже с нею в такой момент. Но, чтобы «смочь», нужен порядочный уровень общей культуры или (что заменяет) способность к самостоятельному мышлению. У Андропова в разной степени было и то, и другое, хотя он тоже был сильно завязан «опытом» работы в КГБ и своим комсомольским прошлым.

И вот возникает вопрос: в речах – вчера на Пленуме, сегодня с Мавзолея – упоминание об империалистах, об агрессивных авантюристах – это творчество помощников и консультантских групп – составителей речей, которые, что бы они ни думали в душе, считают для себя обязательным повторять штампы (чтоб не обвинили в ревизионизме) или результат указаний? Скорее - первое. А оратор это принял, потому что так принято, потому что это считается «верностью марксизму-ленинизму». И, естественно, его коллеги, тем более отделы ЦК, которым речь посылалась на просмотр, не осмелились «заикнуться» о целесообразности в данный момент подобных выражений. Итак, в нынешней ситуации трафаретное сочинительство аппарата может стать самой политикой в гораздо большей степени, чем при Брежневе и Андропове.

15 февраля 84 г.

Переход в новый этап ощущаю только эмоционально. Материала никакого нет, кроме того, что на встречах Черненко с Бушем, Колем, Тэтчер и др. опять, как ни в чем не бывало, присутствует «помощник генерального секретаря т. Александров».

А сейчас вот позвонил Саша Вебер и сообщил об очередном нашем проколе: вернули нам из ПБ проект письма ЦК к социал-демократам по вопросам Стокгольма (конференция по мерам доверия). Со злыми, наотмашь замечаниями, видимо, мидовскими, но, говорит, за двумя подписями (кто-то и еще, значит, уж не Чебриков ли?..). С письмом торопил Б.Н., ему надо поскорее, как и во всем, отметиться перед своим начальством, продемонстрировать активность. И попал этот проект туда в день смерти Андропова. Одного это достаточно, чтоб завернуть, не говоря о пономаревских игрушках, которые были туда вставлены: чтоб собирать манифестации и петиции вокруг Стокгольма и в самом Стокгольме… И это, когда министры разъехались оттуда, остались эксперты, которые занимаются тем, что подсчитывают сколько войск на маневрах и т.п. И которым до лампочки все эти призывы общественности: они технари и ничего менять не имеют права в директивах своих столиц.

Словом, сели в лужу. И поделом. Письма этого я не видел. Своевременно уехал в Люксембург. Но все равно неприятно: и за Загладина, и за Вебера, тем более – был бы я на месте, оно, наверно, было таким же, только я, очевидно, постарался бы загодя согласовать с МИД в «рабочем порядке», как это сделал с аналогичным письмом компартиям. И оно – прошло.

И вновь – все к тому же: не годится наш Б.Н., пора ему сойти со сцены, пока его не попросили.

Дело идет к тому: теперь вот даже такую ритуальную вещь (которую всегда делал наш Отдел) - сообщения в печать о приезде-отъезде иностранных делегаций, переориентировали на Отдел Замятина.

Б.Н.'а даже не пригласили пожимать руки соболезнующих представителей братских и революционно-демократических партий в Георгиевском зале, хотя этих делегаций было, наверно, больше двух третей.

Напрасно он, смотря вчерашнюю запись, рассчитывает, что при Черненко ему «будет лучше». Нет. Его престиж, а теперь и технологическая надобность, необратимо исчезают на глазах.

Читаю «Энергию» Гладкова. В свое время не прочел. Знак эпохи, но не великая литература, особенно на фоне «Анны Карениной», которую вчера от нечего делать снял с полки и перелистал несколько глав: тайна, чудо языка.

Читаю Ленина. Этот всегда ошеломляет под любое настроение, даже, когда не согласен с ним или когда он явно устарел, невольно подчиняешься его непомерной интеллектуальной силе.

18 февраля 84 г.

Вчера почти полный день был на работе. Почитал записи встреч Черненко с лидерами, в том числе с Бушем, Колем и Тэтчер. Очень спокойная, не задиристая тональность, без особой прагматики насчет наших «позиций», а для американцев и особенно мадам, он нашел в конце (это, значит, уже за пределами заготовленной памятки) теплые слова: о дружбе между народами и правительствами, о том, что пора перестать заниматься конфронтацией, о том, что если дела пойдут на лад (с Англией), то эта встреча может стать важным событием в истории наших отношений и т.д.

Тэтчер вся из себя была, чтоб понравиться и, кажется, достигла цели. Посол Попов, который присутствовал, говорил по телефону, что если бы не стол, разделяющий их, она того гляди бросилась бы в объятия к Константину Устиновичу.

Это хорошо. Он в общем-то мягкий человек. И эти моменты, действительно, могут оказаться существенными.

В этом смысле я всячески старался «смягчить» классовость» текста Б.Н.'а перед избирателями. Не знаю, пройдет ли… Написал ему в больницу письмо, посоветовал не лезть на рожон против Громыко и Устинова, которые явно не хотят нашего вмешательства в Стокгольмские дела, поэтому так резко, грубо отреагировали на наш первый вариант письма для социал-демократов. Вадим (Загладин) со мной не согласился, что не надо вносить второго варианта, сделать вид, что ничего, мол, не было. Сослался на Горбачева, который считает, что письмо нужно. Не знаю, чем все это кончится.

Иностранцы почти все разъехались. Только вот Гэс Холл еще здесь… и Вассало (КП Мальты), к которому через час поеду чествовать в гостиницу его 60-летие.

20 февраля 84 г.

Читал послание Рейгана Черненко, послание Миттерана Черненко, беседу его с Трюдо («окно возможностей», которое захлопнется в июне, когда войдет в раж президентская кампания).

С западными лидерами Черненко держится вежливо, обнадеживающе, мягко.

А со «своими» (встреча с лидерами Варшавского пакта, беседа с Кастро) говорит, что ничего не изменилось и «будем так держать». Судя по беседе Рейгана с журналистами (уже после возвращения Буша), действительно, они (США) ничего в своей военной программе менять не будут. Это так. Но проблема не в этом. Она – в том, будем ли мы м впредь строить свою политику на страхе перед этой программой и на погоне за балансом в отношении ее? Тут корень всей проблемы – потому, что «Крестовому походу» мы можем нанести решающее поражение не своей военной программой, а своей продовольственной, энергетической, ширпотребной и т.п. программами.

Ну, и т.д.

Б.Н. до сих пор в больнице. Хотел, чтоб я приехал туда на его встречу с Гэсом Холлом. Но я увильнул. Это очень скучно разговаривать втроем, да еще с Гэсом Холлом. Впрочем, это моя обязанность. Тем не менее, я с удовольствием поговорил с Макленнаном, а в субботу – с Вассалой и Азиусом… Развивал перед ними концепцию нашего «антикрестового» похода. Самому любопытно. А с Г. Холлом не хочется.

Прочитал в «Новом мире» повесть Гранина «Еще заметен след». Производит… О войне теперь вот так прилично писать. Только так – не пóшло. Или – как Кондратьев. Это честно и талантливо.

24 февраля 84 г.

Скрытая атмосфера неопределенности в Отделе и вокруг Пономарева. Он до отъезда к избирателям был в больнице, Гэса Холла, Хауи и еще кого-то принимал там, ездил только на Секретариат и ПБ. Делами Отдела не интересовался. Мне позвонил лишь раз, чтоб «согласиться», что не надо лезть на рожон с письмом социал-демократам, предварительно не выяснив «окончательное» мнение Горбачева и Устинова. Видел я его только на Секретариате: бледен, не в себе и т.п. Видимо, ощущает приближение чего-то решающего для себя.

Загладин всю неделю (вместе с Жилиным) пробыл у избирателей – на юге Туркмении в районе Кушки, на афганской границе. Он уверенно ждет своего часа.

В газетах и по TV выступления членов, кандидатов и секретарей ЦК перед избирателями.

Видимо не договорились между собой. У одних и Андропов и Черненко – оба выдающиеся и т.п. У других о смерти Андропова едва упомянуто, а характеристик никаких (в том числе у речивого Шеварднадзе). У одних Черненко выдают на уровне Брежнева под конец его жизни. У других – довольно сдержанно: в терминах февральского Пленума. В средствах же массовой информации прославление идет на полную мощность… Разбега даже не потребовалось. До сих пор – поток поздравлений. Уже идут пленумы в республиках и областях: «в свете решений февральского Пленума ЦК, положений и выводов в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Константина Устиновича Черненко».

Напропалую цитируют его и рядовые авторы, и рабочие, и служащие в интервью TV и радио, и члены ПБ, секретари ЦК в своих речах перед избирателями. И даже пошли уже его приветствия заводам и областям за выполнение плана или в связи с успешным окончанием чего-либо. Короче говоря, утверждение его в положении абсолютного лидера проведено с космической скоростью.

Но как политическая фигура он еще не ощущается в аппарате. Правда, сегодня я читал его ответ Рейгану. Ничего нового по существу по сравнению с андроповскими аналогичными посланиями, но тон более вежливый, более мягкий, более конструктивный и нет тыкания в нос конкретно – Гренады, Ближнего Востока и т.п. художеств Рейгана. Т.е. пока рука протянута в бархатной перчатке. И ни разу нигде он не произнес формулы: вернитесь к положению на середину декабря (по ракетам), тогда можно будет разговаривать. Но печать и Громыко с Мавзолея это сказали. Особенно же поразила ребят в Отделе грубость, задиристость и воинственность статьи Устинова в «Правде» (по случаю дня Красной Армии). Резко дисгармонирует и с тем, что Генсек говорил на Пленуме, и тем более как и что он говорил западным лидерам в беседах.

Статья рассылалась, как водится, по ПБ, Б.Н.’у в том числе замечания подготовить Балмашнов попросил, тоже, как водится, меня. Я отметил особенно милитаристские пассажи, написал Пономареву записку (в вышеупомянутом духе – что, мол, расходится с Пленумом). Но он, конечно, и не подумал даже снять трубку, чтоб хоть что-то из моих «фэ» сообщить автору. Так она и вышла в первородном виде.

Что это? Разделение труда или Генсек и его помощники еще не чувствуют себя достаточно прочно в седле, чтобы уже сейчас поправлять людей, которые сделали Генсека генсеком.

Во вторник был на Секретариате. Вел (и будет вести) Горбачев. Вел в своем стиле: живо, умно, активно, по-деловому, с оценками, выводами и т.д. И уверенно. Особенно «произвело» - разбор вопроса о завышении цен на детский ширпотреб и на медикаменты.

С подачи ВЦСПС Бирюкова вывалила на секретариатский стол «продукцию» и понесла министров. Они пробовали сопротивляться, даже обвинить ее в «сенсационности», но Горбачев сделал им такой разнос, что уселись они на свои места побитыми дворняжками. Это был по-настоящему партийный советский разговор с бюрократами. Однако, дураки они не потому, что глупые и злые, а потому, что они продукт «порядков», утверждавшихся и поощрявшихся десятилетиями.

Сегодня в Консерватории пятая симфония Брукнера. Рождественский – дирижер в роли просветителя былых времен. Его речь перед исполнением – великолепна! Само исполнение! (Красавица скрипачка на переднем плане… Она навсегда останется в памяти вместе с Брукнером). Такого глубокого наслаждения я давно не испытывал в этом зале. Сравнимо по неожиданности, пожалуй, с тоже впервые услышанном мною по TV концертом Глюка для флейты с оркестром, соло вела миловидная женщина. Но там – однолинейное ощущение, а здесь – полифоническое и «трудное».

4 марта 84 г.

Сегодня выборы в Верховный Совет, а в пятницу я был в Кремлевском дворце – слушал Черненко. Само собрание – обычный наш ритуал, регламентированность и формальность которого никого, кроме диссидентов и слишком уж рафинированных интеллигентов, не коробит. Народ наш слишком практичен и ленив, чтобы тосковать по самодеятельной демократии, легче и привычнее ворчать на начальство, что то не так, это плохо, здесь бардак и т.п. Итак – избирательные собрания, как и сами выборы – официальный праздник, когда делается то, что всегда и у всех полагалось делать во время данного праздника. В соответствующем стиле были выдержаны и речи в Кремле: секретаря Куйбышевского РК, слесаря, научной работницы, учительницы, директора завода. Правда, в выступлении доверенного лица, который должен был рассказать биографию кандидата, была уж слишком явная неловкость: в порядке компенсации, что Черненко не был на войне, оратор сделал упор на то, что он в 1930 году добровольцем пошел в Красную Армию и служил на границе… «Вы, знаете, товарищи, какое нужно было мужество, чтоб охранять границу»… и т.д.

Конечно, речи готовились в райкоме, но уж раз так, надо было бы избавить их от таких вот дешевых пассажей, которые только подогревают ненужные вопросы и народную иронию.

Дело, в конце концов, не в том, чтоб избрать репрезентативную фигуру по реальным заслугам в прошлом, дело в том, чтобы человек обеспечил правильную, единственно нужную и возможную стране политику. И в этом смысле избирательная речь Черненко значительна и серьезна – по самому строгому счету. Не знаю, что принадлежит лично ему (или его помощникам и составителям – а он поддержал). Но речь произнесена. И это – политическое обещание народу при начале деятельности. Быстро это не забывается: как, например, доклад Маленкова в свое время на сессии Верховного Совета в 1953 году или речи Хрущева на XX Съезде.

Главное, что воспринято все то, чему было положено начало Андроповым. Мне говорили непосредственные составители этой речи, что в ней, как и в речи на февральском Пленуме, использовано практически все то, что готовилось для Андропова, по его идеям и под его наблюдениями, когда он был в больнице.

Важно еще и другое: речи других – членов ПБ, кандидатов, Секретарей ЦК никогда не носили столь индивидуального характера (при общности основной линии). И это относится не только к тому, как было выражено отношение к покойному и какими терминами характеризовался новый Генсек. Не все, например, назвали его «выдающимся» и т.п. Но и по подходу, манере, акцентировке социально-экономических, политических и идеологических проблем эти речи сильно разнятся. Конечно, всегда у нас при перемене «режима» временно выступает на передний план коллегиальность. Однако, на этот раз она

проявила себя на фоне безусловного, формального утвержденного с первых же дней в совершенно конкретных терминах «должностного» авторитета Первого. И как это ни парадоксально – именно здесь возможность того, что коллегиальность станет реальным фактором политики… тем более, что сам Черненко, вслед за Андроповым, кажется, совершенно искренне за «разделение» партийной и советской власти. (Впрочем, это жизненная необходимость, если серьезно…).

5 марта 84 г.

Куча шифровок. Анализ Киссинджера: США – НАТО = кризис и как выйти.

Трухановский, Игорь Савольский (из венгерского сектора) – статья академика ВНР Шиманского. Моя оценка оказалась правильной.

Собрались у Загладина, рассуждали о том, как будем (ли?) делать книгу «История революций» и как мы с Загладиным приобщимся к 8-ми томной «Истории Европы». Реминисценции о моем «историческом» прошлом. Идеи есть, как все это сделать красиво, а сил и времени не будет.

Обсуждали с Богдановым (заместитель Арбатова, полковник в отставке), Соколовым, Коликовым их предстоящую поездку в Варшаву на «Акцию момента»: закрытый семинар об американской политике в отношении соцстран. Унимал экстремизм Богданова, хотя он все про Америку знает лучше меня в 100 раз.

Составили с Соколовым таблицу инициатив наших доброжелателей из Западной Европы – от общественных сил. Добрые намерения, но они не укладываются в политику Громыко-Устинова. Я же вознамерился отвоевать у них «зону диалога» по общественной линии. Иначе мы опять останемся с одним Чандрой.

10 марта 84 г.

Перед праздником впервые Пономарев привлек меня к делам Программы КПСС. Прислал почитать, что изготовил Арбатов о современном капитализме. Рассуждал он интересно, когда прогуливался со мной в Барвихе и рассказывал об объятьях с Андроповым. А вот текста не получилось. Казенно, невыразительно, клочковато и даже с нелепостями (вроде того, что рейганизм-тэтчеризм – это реакционная утопия возврата к фритредерству XIX века). Написал Пономареву, что западный читатель не узнает «такого» капитализма, а он «в нем» живет. И вообще так программные дела не делаются: набрали в рабочие группы начальства, а надо бы для первого наброска не группы создавать, а по каждому разделу посадить по одному талантливому – вроде Амбарцумова или Галкина – и дать им свободу риска. Ленин для таких дел «сажал» не кандидатов наук, а Бухарина или Куусинена, давал им две недели, а потом правил. (Кстати, Черненко на встрече с завами и замами обратил внимание и на плоскость, невыразительность языка партийных документов… Немудрено: их пишут чиновники с багажом ВПШ, как правило… или редактируют они же).

11 марта 84 г.

Нарвался я с замечаниями на вариант для Программы, сделанный Арбатовым. Заставил Б.Н. меня самого добавлять и исправлять. Оно бы и ничего, даже интересно. Но беда в том, что ему-то этот вариант нравится. Хотя сам Арбатов, сдав его ему, позвонил мне и в своей солдатско-матерной манере «извинялся» за то, что Б.Н.'у его вариант понравился. Это значит, хреново написал. А сделал так потому, что за такой короткий срок все равно ничего приличного не напишешь - такого, чтоб стоило отстаивать, и чтобы отвязаться, написал туда максимально из старой «пономаревской» Программы, а тому этого только и надо было. Поэтому и понравилось.

Я же опять мудак-идеалист. Рассчитывал заинтересовать Пономарева «комманифестовским» (М.-Э.) подходом к изображению современного капитализма: вот, мол, чудеса технических и т.п. достижений - с одной стороны, и глубинная порочность общества – с другой. Это, действительно, можно бы сделать красиво, но не руками (даже) Арбатова и уж, конечно, не под руководством тов. Пономарева.

Черненко требует «яркого языка» в партийных документах. Казалось бы, где, как не в Программе, показать образец такого языка. Но для этого нужна культура, которой нет у тех, кто, к сожалению, приставлен к этому делу… А можно было бы красиво сделать. И не много места потребовалось бы.

Делаю же я «вставки» и «предложения», которые помогут убрать глупости, ошибки, снизить уровень демагогии, но не отменят главного: по крайней мере по разделу капитализма это будет нудный «учебник», от которого будет тошнить студентов и в котором западный читатель ни за что не узнает общества, в котором живет. Противно.

<u>13 марта 84 г.</u>

Еду в машине. Шофер, кивая на гололедицу, говорит:

- В Завидово-то на старых «Волгах» ездим.
- А что, опять ездите туда?
- А как же…
- А до этого?
- До этого Андропов-то велел законсервировать все это хозяйство. Егерей распустили, других – кого на пенсию, а кого – просто разогнали, паразитов…
- А теперь что?
- Теперь все обратно. Черненко туда на охоту ездит. Он ведь с этим Леней, там начал этим заниматься. Ну, вот и возобновил все… На кабана, марала, оленя, дичь.

Вот так-то!

<u>17 марта 84 г.</u>

Одна польская газета, после довольно объективистской статьи о речи Черненко перед избирателями, опубликовала без всякого комментария три высказывания западных писателей и журналистов. Среднее из них принадлежит некоему Ф. Новотны, западно-германскому журналисту, видно, чешского происхождения: «В политике все меньше красочных птиц. Настают времена серых мышей. Собственно говоря, они уже настали».

Служба идет рутинная. Б.Н. усиленно подстраивается под нового Генсека и терпит помыкания со стороны МИДа, может быть, даже не специально направленные, а просто из пренебрежения, из «забывчивости» насчет существования еще такой фигуры, как Пономарев. Но, кажется, он, Б.Н., вновь начал ждать очередного Пленума…

Галактион Табидзе. Всю жизнь читывал о нем, сталкивался в разных книжках о нем, но самого до сих пор не читал. Теперь вот прочел… смесь Пастернака, Цветаевой, Тихонова… Но, увы! Переводы… Они, вероятно, оптимальные и все-таки нет непосредственного ощущения «гениальности».

Новелла Матвеева. Два новых сборника. Пишет, как и другие бывшие звезды 50-60-ых – о старости времени и о собственном «уходе». Как и Дезька, как и Винокуров, как и десятки «тех»…

По должности члена редколлегии журнала «Коммунист» много читаю статей, предназначенных к обсуждению на редколлегии, а еще больше – уже опубликованных (это те, которые не по моей части и я за них ответственности не понесу). Так вот, журнал при Косолапове весьма смелый, достаточно умный и интеллигентный, а в сфере экономической –

очень деловой, остро критический, в философской сфере – с большим отпечатком вкусов главного редактора – философа.

Однако, очень сомневаюсь, что те, кому положено из руководящего состава партии и государства знать центральный теоретический орган ЦК, его читают. Во всяком случае, Пономарев, претендующий на славу «теоретика нашей партии», даже и оглавления в нем не просматривает. И вообще, наверно, кроме шифровок и отмеченных его секретарями фраз из ТАСС'а, ничего не читает. Впрочем, читает, к сожалению, тексты своих докладов и статей перед их произнесением и сдачей в печать.

18 марта 84 г.

День Парижской Коммуны. Для меня этот «юбилей» главным образом связан с ассоциациями насчет того, сколько мыслей и выдумки я отдал Пономареву для его докладов и статей по этому случаю в круглые даты. Все это уже вошло в его сборники, а теперь и в полное собрание сочинений, том 1-ый только что появился. Разумеется пономаревски обработанном виде.

«Бессмыслицу мы умножаем на числа,
Мыслишки роились, плодились – не счесть их».

Это из Г. Табидзе. И у меня вот сейчас так.

19 марта 84 г.

Еще раз смазал нас Громыко, даже не вспомнив о том, что план на период президентской кампании в США надо представлять с учетом мероприятий и Международного отдела ЦК.

Мы с Загладиным принимали Гэлбрайта. Впечатляющий, умнейший старик высокой породы. Но держался осторожно и предельно деликатно. Напомнил о правиле Черчилля: «не критиковать свое правительство, находясь за границей, и не уставать разоблачать его, будучи дома».

21 марта 84 г.

Сегодня сочиняли ответ Черненко Социнтерну по ракетным советско-американским делам. Мы свое, МИД – свое. Пересылали дважды «в рабочем порядке» друг другу. Старались подмазаться, чтоб Громыко нас не смазал в очередной раз. А Б.Н.'а интересовало только одно, чтоб он успел поставить подпись (завтра уезжает в отпуск), предложил даже подписаться на чистом листе, чтоб потом «как-нибудь приладили». Важно, чтоб в представлении текста наверх было видно его участие!

Игрушечки вокруг политики.

22 марта 84 г.

Б.Н. уехал в Крым в отпуск. Хотел это сделать после Пленума, но Черненко его отпустил сейчас, ненароком дав понять, что при подготовке Пленума и Сессии Верховного Совета обойдутся и без него.

Загладин завтра уедет в Австрию и таким образом весь ворох антиамериканских планов на период президентской кампании представлять в ЦК надо будет мне.

Вечер. Читаю книгу Фроссара о Папе Войтыле. Статья в «Литературке» о всех современных английских писателях. Надо заметить и потом попробовать достать кое-что. Жалуется, что многие – а пишет «ЛГ» только о значительных – переступают границу порнографии. Смешно! «Там» - это реальность, без которой не может быть и реализма в искусстве.

Надо бы возобновить тарлевскую манеру читать по паре страниц Герцена каждый день.

25 марта 84 г.

В пятницу, как я остался и за Пономарева, и за Загладина, привелось побывать на первом заседании Комиссии Политбюро по пропаганде и контрпропаганде на заграницу. Во главе поставлен Громыко. Беспрецедентный в истории КПСС случай, когда министр, а не Секретарь ЦК возглавляет Комиссию ЦК!

Из трех с лишним часов около двух с половиной говорил он сам. Оказывается, он любит поговорить! Мои опасения, что он опасный для страны человек, подтвердились. Речь шла о том, как изображать вопросы ядерного разоружения на переговорах. Смысл его многочисленных заходов и намеков – жесткая конфронтация, ни на йоту от взятой формулы: никаких переговоров, пока не уберете ракеты из Европы. Это означает, что либо вообще не будет переговоров и гонка будет разматываться с нарастающей силой в ущерб всем нашим социально-политическим надеждам на совершенствование социалистического общества, либо, как уже случалось при Громыко, пойдем на попятную, только в худших для себя условиях (скажем, когда будет не 20-40 ракет размещено, а все 600).

Для нас же, Международного отдела, полный тупик. Потому, что нам даже запрещено «разговаривать» с общественными, антиракетными силами, «дискутировать» с кем бы то ни было по поводу их идей. Ибо какая может быть дискуссия, если сидишь и повторяешь вышеупомянутую формулу. Значит, на нашем «участке» в этих движениях надо поставить крест и они будут развиваться теперь главным образом в антисоветском направлении: так как именно мы в глазах массы блокируем переговоры и ничьи соображения не хотим даже выслушивать.

Намекал Громыко на разных наших многочисленных комментаторов, которые «позволяют» и создают впечатления, что в Москве «есть и другие точки зрения», что «мы не уверены до конца (кое-кто во всяком случае) в правильности своей политики» и т.д.

Сделал Громыко почти открытый втык Пономареву: мол, встреча Черненко с Фогелем прошла правильно. А вот делегация, которая «потом выслушивала его идеи насчет того, чтобы заморозить ядерные средства по состоянию на сегодняшний день (т.е. при наличии уже поставленных ракет) и возобновить переговоры, не дала надлежащего ответа. Нахальство этого заявления тем больше, что оно было произнесено на другой день после того, как ПБ одобрило «деятельность делегации во главе с Пономаревым».

Проезжался он и вообще против «таких отношений» с социал-демократами, «называли, мол, их товарищами», «братание устроили», «даем сбить себя с толку», «строим иллюзии»… А Фогель, мол, прямо заявил Черненко, что «они, социал-демократы, принадлежат к другой социальной системе», т.е. к какой? – к капиталистической!

Вот так-то! И все наши потуги смазаны… «Класс против класса». И один аргумент в политике – ракеты! В дипломатии тоже. И всякое такое «вмешательство» в эту линию подлежит запрету.

Словом, концепция ненужности Международного отдела, как и комдвижения, и всяких общественных движений «нового типа» просматривалась довольно отчетливо.

Звонил Б.Н. Я ему рассказал все это. Расстроился. Грозился обратиться к Черненко. Но… не сделает он этого, потому что знает, что не будет поддержан, а только вызовет еще большие подозрения, что хочет проводить какую-то «свою» политику.

Вчера, в субботу, пришлось ехать на работу. Лигачев просил помочь в сооружении международного куска речи Тихонова, которую он произнесет после переизбрания премьером на Сессии Верховного Совета.

(Еще о комиссии Громыко. Первым в дискуссии вылез Афанасьев, академик и редактор «Правды». И еще раз я убедился, что он легковесный, политический вертопрах себе во вред, да просто не умный человек).

Вечером был на Бродском, в Академии художеств. Много народу. 77-летняя дочка ходит по залам, всячески стараясь привлечь к себе внимание. Обогатился. И неожиданно было. Хотя Бродский известен с детства – и ленинианой и несколькими картинами в Третьяковке и по иллюстрациям, но цельное представление о нем – портретисте, и особенно пейзажисте получилось впервые. Времена года, воздух, пространство передает – не помню кто с таким мастерством и так захватывающе. А портреты – и частные, и политические – Фрунзе, Буденный, Ворошилов, и коминтерновцы вызывают смерч ассоциаций и раздумий.

Читаю Залыгина «После бури». Замысел не без умысла. Но по обилию и остроте политических и идеологических сомнительностей (а эпоха изображаемая та же) «Доктор Живаго» выглядит инкубаторным цыпленком. Пастернака мы сгноили за «Живаго», а Залыгина превозносим – и за мастерство, и за глубину проникновения, и за масштабность.

4 апреля 84 г.

Утром, заглянув в письменный стол, наткнулся на школьные тетрадочки образца 1930 года – мои дневники 1938-1940 годов – время довоенного пребывания в университете. Почитал, ощущение ошеломляющее – какая-то другая жизнь, совсем в другую эпоху. И, однако, это моя жизнь, моя предыстория, из которой я вышел в войну и в настоящее (с очень большими пустыми и бессмысленными промежутками, отнявшими годы). Кстати, некоторые события 1939 года, связанные со школьными друзьями, происходили вот здесь рядом с моим домом, в котором я сейчас живу.

Читал очередной «Paris Match», - статья о Черненко, которая начинается цитатой из Бисмарка. Он, мол, назвал Наполеона III « неизвестным ничтожеством». И далее – в таком же духе. «Голоса», конечно, подкидывают не только вот такие «цитаточки», они создают (или поддерживают) атмосферу вокруг него.

Во-первых, мол, временно (тоже больной как и предшественник). Во-вторых, серо и буднично. В-третьих, энтузиазма не вызвал, а подозрения насчет некоторого послабления «бывшим» при Брежневе породил.

8 апреля 84 г.

Б.Н. вернул с Юга раздел Программы о капитализме. Позвонил: мол, много работал «сам». Сделал как надо для Программы. Посмотрел я: соединил яковлевский и мой варианты, впихнул много из старой Программы. Вновь, таким образом, получился ералаш.

Симбиоз невежества и чиновничьего желания угодить – угадать, чтоб понравилось новому начальству. Теория ему «до фени», как и соответствие реальностям.

Попросил также меня почитать «отчет», который он от имени рабочей группы будет читать на Программной комиссии (о ходе и состоянии дел). Впрочем, он уже послал его Черненко. Совершенно неделовой текст (подготовлен Пышковым): пропагандистская речь, которая всякому современному человеку было бы просто стыдно зачитывать перед «коллегами» на Политбюро. Будто – это для трибуны перед агитаторами райкомовского ранга. Оказывается, никаких проблем не было в ходе работы рабочей группы, и вообще нет проблем при подготовке Программы, по которой следовало бы посоветоваться с членами Политбюро, спросить их мнения, куда вести дело.

Нет и главного в Программе – цели. В 1961 году Никита сформулировал нереалистические цели. Но они прозвучали вдохновляюще. И, может быть, даже можно было, если не достичь, то продвинуться к ним, если бы правильно начать движение… Может быть, тогда и Октябрьский Пленум 1964 года не понадобился. Но это – особый вопрос. Теперь же «дуем на воду»… И вообще – никакой цели в Программе нет, одни средства: «поднять», «повысить», «усовершенствовать», «укрепить» и т.д. Т.е. то, что люди ежедневно читают в газетах.

Нет даже перечисления новых вопросов и тем, которым надлежит быть в новой редакции Программы (ни по социализму, ни по капитализму).

А между тем у нас, у кадров партии есть и понимание новых проблем, новой ситуации и умение их изложить. Взять хотя бы статью Загладина в № 4 журнала ИМЭМО. Блестящая статья, целыми абзацами можно прямо переносить в Программу. Но подобного Б.Н. не допустит по целому ряду причин, среди них, увы, - по непониманию их, по своей теоретической замшелости и из-за сугубо пропагандистского склада ума.

Черненко чуть ли не каждую неделю выступает с заявлениями, ответами на обращения иностранцев, ответами на вопросы «Правды» и т.д.

10 апреля 84 г.

Иду на Пленум. А пока: Б.Н. вернулся с Юга. Подсунул ему свое мнение о его докладе для Программной комиссии: впервые, мол, Программа КПСС «без идеала», одни только средства «движения вперед», а к какой цели? Намекнул на формулу Бернштейна. Во-вторых, неделовой характер текста: высокопарность и газетные фразы, будто для аудитории с трибуны. Даже не перечислены новые проблемы, не говоря уже о том, как «по-новому» они будут де изображены. Нет даже упоминаний о конкретных программах, уже утвержденных (продовольственная, энергетическая).

Записка вполне нахальная. Он должен был обозлиться, но я этого не заметил. И когда разговаривали о Программе – он только об одном – о разделе по кризису капитализма, который мне пришлось вновь «выпрямлять», приводить к литературной форме (после редактуры Соколова, на котором Б.Н. хотел проверить не осталось ли чего от завиральных концепций Меньшикова).

А затем работал с ребятами над докладом для него же – перед редакторами коммунистических газет – 3-4 мая опять собираем. И будет опять их поучать.

Живу в почти нестерпимом ожидании чего-то: то ли со мной что-нибудь должно вот-вот случиться, то ли в кремлевской верхотуре что-то должно произойти, то ли в недрах нашего благословенного пономаревского ведомства, то ли в моих «социальных отношениях» с окружающими людьми… Не знаю… Может быть, это более глобальное предощущение: в мире что-то вдруг изменится и пойдет совсем иначе. Хотя откуда бы взяться… Может быть, в духовной культуре у нас, в советской, произойдет какой-нибудь прорыв – вперед или назад. И то и другое объективно возможно.

Словом, после Андропова опять надвинулась атмосфера безвременья и застоя!

14 апреля 84 г.

Б.Н. окончательно втянул меня в программные дела. А делаются они худо.

Прошел Пленум. Была сессия. Рукоплескания и восхваления как при Брежневе, только звучат и выглядят они теперь еще более лицемерно и противно. Речь его – хорошая и правильная, доклад Зимянина о школе – тоже. Но прения (за вычетом президента Александрова, который играет роль высокоинтеллектуального Щукаря) – пустой ритуал.

Слова и замыслы правильные, им веришь. Они, если станут делами, действительно, могут коренным образом изменить нашу жизнь. Однако, видя кухню и наблюдая пошлое, неоднократно теперь уже повторенное, затертое чинопочитание – охватывает даже не сомненье, а тоска. Если человеку «это» надо и если он и его окружение считают, что «так надо» для отправления власти и «правильного хода дел», то очень мало вероятно, что слова станут действительно делами.

Конечно, это – от отсутствия культуры, а значит и «воображения». Не от цинизма и злых намерений. Но культура – это значит стиль, а стиль – Ленин – сам стиль нам нужен сейчас прежде всего.

17 апреля 84 г.

Вчера был крупный, даже скандальный разговор с Пономаревым. После его очередной сцены. В пятницу дал ему доклад для редакторов газет компартий – очередное, придуманное им самим «мероприятие». (взамен, как он не перестает твердить, Международного Совещания коммунистических и рабочих партий, на которое никто не соглашается), чтоб еще раз поучить коммунистов, что им делать, как разоблачать американский империализм и хвалить Советский Союз.

Так вот, встретил он меня словами: ужасно, плохо из рук вон, прямо не знаю что делать, невероятно слабо, ни в какое сравнение с докладом, который я делал (на таком же Совещании) в ноябре и т.д. и т.п.

Я взорвался: мол, скажите, в чем плохо и как сделать хорошо, и будет сделано. Кажется, за 25 лет вас ни разу не подводили. Но зачем каждый раз унижать и перечеркивать, смешивать с грязью работу не таких уж совсем глупых людей, которые делали ее для вас, делали искренне, не халтуря, отдавая вам свои знания и уменье! В конце концов, я отвечаю за этот текст, я сам писал много из того, что вы сейчас обругали, мне принадлежит и вся схема и все редактирование. Так что я все это принимаю на свой счет. А я не мальчишка, не школьник, мне через месяц 63 года и мне надоело выслушивать подобные нотации. Насколько мне известно, ни один из Секретарей ЦК не позволяет себе подобного с людьми, которые пишут для них. Да и вы не позволяете себе так разговаривать, например, с Загладиным. Неужели потому, что он вхож в верхние двери?! Не хотелось бы так думать.

И т.д. в этом скандальном и в общем хамском духе.

Однако, он «осел»: Что вы обижаетесь? Я же объективно сужу. Я уверен, что это не годится. Вы не можете пожаловаться на мое отношение к вам (видимо, намек на то, что благодаря ему я кандидат в члены ЦК и имею Орден Ленина, а также кабанчиков, которых он мне шлет по праздникам (с охоты) и которые в большинстве сгнивают на балконе).

Вот такой разговор, после которого мне вновь захотелось на все плюнуть и уйти на пенсию, противно на работу ходить.

Ничтожество он все-таки. Уж хотя бы по такому факту. Звонит сегодня утром: «Я вечером надиктовал кое-что для доклада. Сейчас перепечатывают, вам принесут, посмотрите, используйте, что найдете нужным». Приносят – 21 страница статейного текста, копия с листа явно не нашего формата. Ребята сразу определили – правдинский. А когда стали читать, на 9 стр. в скобках, поясняя термин – авторская пометка «Ю.Ж.», т.е. Юрий Жуков.

За кого же он берет нас, меня, консультантов, если полагает, что мы не осмелимся «догадаться», что он, Пономарев, за один вечер неспособен продиктовать даже абзаца в подобном стиле и подобного текста, со ссылками на немецкие и американские газеты, на разные книги и проч.!? Да он даже и не прочел этот текст!

И подобное – почти в 80 лет, в должности Секретаря ЦК и кандидата в члены Политбюро! Несчастная наша партия, которая держит в руководстве (сколько лет!) таких вот тщеславных пигмеев.

30 апреля 84 г.

С 19 по 26 апреля были на даче Горького. Ностальгия. Причастность к чему-то устойчивому, хотя и давно ушедшему. Горький и собственная (сравнительная) молодость. Впервые туда попал в 1967 году. И остальные примерно так же, не у одного меня эти чувства.

Нас было десятеро. Из них работающих – 3-4 человека. Довольно дружно соорудили то, что нужно Пономареву. Ему понравилось с первого предъявления (т.е. он уже считал это самим собой сделанное, а иначе всегда слабо).

Вечером смотрели фильмы: «Дождь в пустом городе», «Летаргия», «Детский сад», «Допрос» и особенно «Чучело» с дочкой А. Пугачевой в главной роли – от последнего я испытал просто потрясение и испугался за внука, который пойдет в такую примерно среду – в современную школу. Все фильмы – настоящее искусство, памятники нашего времени, смурного и пока безнадежного.

Черненко собирал Программную комиссию и сказал очень умную, мудрую речь: большое его достоинство, что слушает и внимает умным советникам и, наверно, (в отличие от Пономарева) не пытается их учить, как держать перо в руках, доверяет их уму, знаниям, умению, их партийности и добрым намерениям в отношении страны.

А наш Пономарев (по отзывам Арбатова, Загладина, Брутенца, которые были на комиссии) выглядел странно и нелепо. Уже одним тем, что представил (загоняв всех при этом) проект текста Программы до того, как сам главный его Пекарь не высказался, как он собирается печь и какой пирог. И еще усугубил нелепость своего положения, произнеся все то, что ему наготовил Пышков и что нам с Загладиным так и не удалось поломать, т.е. фактически «содоклад» к речи Черненко с позициями, которые хоть и не «расходились», но выглядели убогими по сравнению с тем, что было сказано в речи. Получилось и претенциозно, и жалко, и неуместно.

Но его и поставили на место: если до этого он был бригадиром рабочей группы по всему тексту, то теперь вся внутренняя часть поручена Горбачеву, а международная пополам – Пономареву и Русакову.

Созданы две рабочие группы: внутренняя – Косолапов, Стукалин, Печенев; внешняя – Александров, Загладин, Рахманин. К ним будет добавлено еще 5 человек. И они должны к Октябрю представить свои раздельные проекты.

Арбатов учуял, что его оттерли и сбегал к Горбачеву: напросился во внутреннюю группу.

Вернувшись с дачи Горького, продолжаем вылизывать текст для Б.Н.'а – к 4-ому съедутся редакторы комгазет. Любопытный эпизод: больше всех замечаний и исправлений прислал Александров с ехидной записочкой Б.Н.'у, а предварительно позвонил мне. Почти все его вычеркивания попадают на куски и абзацы, навязанные нам Пономаревым или присланные в виде «своих» диктовок, принадлежащих всяким «Жуковым» и «Хавинсонам». Особенно же мне пришлось по душе, что он высмеял и вычеркнул все хлесткие залихватские словечки и обороты речи - любимые игрушки Пономарева, по которым он судит о «теоретическом» уровне текста… (приписками на полях: «надо, мол, достойнее, не размениваться на дешевку дюжинной пропаганды»)

Но нашему все это – как с гуся вода, хотя вроде бы готов «прислушаться».

29 апреля был внеочередной Секретариат. Ничего особенного. Опять любовался я Горбачевым: живой, мгновенно реагирует и вместе с тем видно, что готовится, компетентный, уверенный, четкий, умеет ухватить самую суть вопроса, отличить болтовню от дела, найти выход, указать практические меры, приструнить и даже пригрозить, когда – безнадежно. Веселый и с характером. Словом, есть у нас «смена».

А Генеральный посетил «Серп и Молот». TV и газеты заполнены этим. Речь опять же хорошая. Но смотреть, как было дело, - горько. Задыхается, астма, да и мыслей-то своих нет, общение натянутое, ритуальное, бодряческое – это видно даже с экрана. Там рабочий класс дай боже, по-ленински интеллигентный – но я бы на их месте не удержался бы от внутренней иронии по поводу этой дежурной «кобедни». Но речь правильная.

3 мая 84 г.

Сегодня докатывали материалы к завтрашнему совещанию редакторов коммунистических газет. Съехались более 80 со всего света. Б.Н. все добавляет, все правит, стараясь угодить и не промахнуться. Хочется ему поспокойнее сказать о Китае (в связи с

визитом Рейгана), да Рахманин не велит; ругает его, а делает «применительно к Рахманину». При этом произносит такие слова, как «государственный интерес», который «тот» не хочет ни понять, ни признать, и все гнет свое, влево. А раз так – ты же Секретарь ЦК, обуздай Рахманина, раз он вредит государству!

6 мая 84 г.

Вчера закончилась встреча коммунистической и революционно-демократической печати – эрзац Совещание коммунистических и рабочих партий. Но в общем, кажется, приехавшим это было нужно и даже интересно. Скучают по общению. Все довольны. Мне пришлось отдуваться за всех замов, так как Загладин на Программной даче, Карэн в больнице, остальные, если и появлялись, то ходили вокруг да около, особенно Шапошников – демонстрировал свою близость к Пономареву и вообще начальственную повадку.

Афанасьев (редактор «Правды») – косноязычен, но и простодушен, ему почему-то приписывают даже безбожное коверкание имен, названий партий и газет. Поразительное явление для академика, на уровне колхозника перед TV.

Был в заключение фуршет: ходил я от одной группы к другой и произносил всякие красивые слова: венгр, люксембуржец, датчанин, все латиноамериканцы скопом, японский социалист и проч. А днем встречался с Чейтером (“Morning Star”). Игры продолжаются!

9 мая 84 г.

День Победы. Ходили с фронтовым другом Колей Варламовым по улицам. Дошли до Новодевичьего монастыря, но туда не пускают. Он что-то скис и мы вернулись на Кропоткинскую, стали пить и сплетничать. Он много знает о Генеральном, лет 15 работал у него под началом, когда тот был зав. Общим отделом ЦК, открывал к нему дверь, по Колькиному выражению, коленкой. Главное, что запомнил: это не Суслов, у этого на первом плане – личное, семейное. И чтоб положили потом за Мавзолеем.

Болезнь (у Генсека) пустяшная. Астма, осложнение после воспаления легких году в 1974-75. Больше ничем не болел. Когда был секретарем в Пензе – славился на всю область, как пьяница и бабник. Тщеславен. Недаром же ездит по городу с помпой, до которой даже Брежнев не дошел, и количество мальчиков вокруг ЦК увеличилось в 10 раз. И (почти в тех же выражениях, что Пономарев вчера) – быстро входит во вкус встреч с иностранцами… В эти дни принимает испанского короля. (А Загладин мне хвалился, что они попробовали новую форму памятки – обозначение вопросов на карточке… Без всякого текста и прочих всяких выдуманных оборотов речи. Получилось. Даже по TV показали: они с королем сидят не друг против друга за бюрократическим столом, а в креслах поодаль друг от друга. В такой позе не станешь зачитывать памятку, уткнувшись в бумажку! Слава богу, если так. У Андропова это хорошо получалось).

Умен и хитер. Пока осторожничает, но попозже и Громыку приструнит (это мне понравилось). Будет делать свою политику.

После обеда пошел я на прогулку по Москве. Моросил то и дело дождь. Дошел до Красной площади, мимо Александровского сада. «Социологическое наблюдение»: меняется характер празднования. К могиле неизвестного солдата очередь до самых Боровицких ворот, многие с цветами и почти исключительно молодежь, во всяком случае – не ветераны. То же самое на Красной площади – с планками, с орденами один на сотню. Конечно, ветераны к этому времени, перепившись уже возлежали по домам. Однако, раньше, даже в прошлом году, на улицах не было столько народу – не участников войны. Что бы это значило? Не думаю, что – рост «патриотической сознательности» (и признательности) у новых поколений. Скорее тяга к неофициальности празднования – самого факта праздника, особо на фоне забюрокраченных и заорганизованных 1 мая и 7 ноября, которые близко к сердцу не воспринимают поколения, не знавшие ни революционного энтузиазма 20-30-х годов, ни

послевоенной сплоченности в голоде и разрухе. А предлог – сентиментальный – поминовение павших, вообще «ушедших». Но и эта непринужденная, казалось бы, атмосфера испорчена «страхом властей» перед народом. На самой Красной площади и всех улицах и площадях, прилежащих к ней, батальоны, если не полки внутренних войск. Наши люди привыкли, конечно, вроде бы и не обращают внимания на эти колонны: у исторического музея, у ГУМа против Мавзолея, у Василия Блаженного, на площади Свердлова и проч. – готовые по команде ринуться «наводить порядок». Стоит, однако, хоть на секунду задуматься над этим, - какой позор! Какое оскорбление советскому человеку! То чувство меры, о котором Черненко говорил уже не раз по разным поводам, здесь начисто отсутствует. Неужели не понимают, что появление какого-нибудь идиота-дессидента с антисоветским плакатом – менее вредно, чем вот такое массовое и вызывающее по своей открытости неуважение к народу!

Нет! Логика «порядка» о которой Маркс писал в «18-ое Брюмера» - страшная вещь. Она превыше всяких разумных аргументов.

На службе текучка. Загладин сидит в Серебряном бору и вместе с другими сочиняет главы Программы КПСС.

Между прочим, мою попытку включить в записку ЦК по итогам совещания редакторов братских партий мысль о том, что это mini-совещание представителей партий - именно так к ним относится большинство участников - Б.Н. решительно вычеркнул. Боится, что наверху заподозрят в претензиях. Но, поздравляя Отдел с предстоящим днем Победы и выражая благодарность за отличное проведение упомянутой встречи, Б.Н. произнес, оценивая ее значение, именно те мои фразы, которые вычеркнул из записки. Вот, такова моя «c'est la vie».

2 июня 84 г.

Почему-то давно не писал. А объем информации за день таков, что вытесняется даже вчерашняя, не говоря уж о двух-трех недельной.

Главное впечатление (сегодня дано по TV) – заявление ТАСС по поводу Вашингтонской Декларации (юбилейной для НАТО – 35 лет) сессии Совета НАТО. Из недр НАТО давно не выходило столь миролюбивого словесного документа по отношению к нам, к «Востоку» вообще. Но ТАСС от имени руководства дало отлуп и ему. Всему миру ясно, что мы взяли курс на запугивание и рассчитываем, что твердость и неумолимость приведет – и к развалу НАТО, и к отзыву «Першингов», и «круизов» из Европы, и к провалу Рейгана на выборах, и к тому, что все наши инициативы для Стокгольма, для Вены, по ОСВ и ОЯВЕ будут, в конце концов, приняты.

Но этого ничего не будет. Впрочем, гонка вооружений была, есть и будет при всех условиях. В этом смысле ничего не меняется. Однако мы, СССР, в глазах все большей части общественности выглядим как саботажники «дела мира».

Причем, не только на Западе, не только в Китае и в Румынии, но и в Венгрии и в ГДР, в глазах многих коммунистов.

Но Громыке, видно, на это наплевать.

Б.Н. затеял очередное совещание Секретарей ЦК соцстран по международным вопросам (есть уже решение ЦК и чехи согласились провести его в Праге). Опять же, чтоб координировать идейно-пропагандистское обеспечение внешней политики социалистического содружества. На самом деле такие совещания давно уже превратились в демонстрацию формальной солидарности с нами… без всяких практических последствий. Каждая страна ведет свою внешнеполитическую пропаганду в соответствии со своими планами насчет связей с Западом или Китаем. Разве что чехи во всем следуют за нами…

В нынешней обстановке особенно трудно придумать аргументы для продолжения «твердого» курса. А придется, консультанты под моим началом уже начали их сочинять для доклада Пономарева на этом совещании.

С 28 по 30 мая я был в Венгрии: они уже полгода как просили меня приехать для консультаций по всем этим и другим вопросам, в том числе по МКД. Старые друзья: Дьюла Хорн – теперь зав. отделом (а когда я с ним познакомился в 1960 году, он был переводчиком в МИДе). Матьяш Сюреш – Секретарь ЦК, а когда я с ним познакомился 15 лет назад, он был инструктором, «носил Пономареву чемоданы».

Принял меня и Кадар. Его референт Надя сказала по этому поводу: «У нас все проще». В самом деле, - можно себе представить, чтобы моего «аналога», какого-нибудь Ласло Ковача, явившегося к нам в Отдел на консультацию, принял бы Черненко!

Венгры на подозрении и с каждым месяцем все больше, а Хорн и Сюреш в особенности. В упомянутые времена нашего знакомства он был инструктором по СССР – и с головы до ног просоветчиком. А теперь, по поводу южнокорейского самолета, в присутствии дюжины журналистов, заявил: «Какой это дурак отдал приказ стрелять по пассажирскому самолету и убить сразу почти три сотни людей!» Андропов лично делал представление Кадару по этому эпизоду. Однако, Кадар «взял под защиту». Сюреш опубликовал огромную статью в их «Коммунисте», которая тоже вызвала бурное недовольство Русакова и других. Рахманину велено было сделать отлуп – статья О. Борисова в «Вопросах истории КПСС». А в «Новом времени» перепечатана статья из «Руде право», где чехи почти открытым текстом крыли эту статью.

Смысл статьи Сюреша в отстаивании права «малых социалистических стран» думать, говорить и даже делать самостоятельно – конечно, на пользу социализму и в духе интернационализма, право на монопольную трактовку которого (нами) он ставит под сомнение.

За полтора дня консультаций наговорились вдоволь обо всей мировой политике. Во всем они хотели быть оригинальными и самостоятельными. Из-за этого, бывало, срывались в дилетантизм, говорили наивности. Деликатно парировал, кое на чем настаивал – не соглашался. За оригинальничанием всегда была реальность: экономические интересы (связи с Западом) и нежелание выглядеть сателлитом.

Теоретически это обосновывалось несколькими тезисами:

- плохие советско-американские отношения не означают автоматически плохие отношения других соцстран с Западом;
- у каждой из них свои возможности для борьбы за «общие цели»;
- каждая соцстрана обладает спецификой и у нее могут быть и есть особые интересы в международной политике.

Откровенно говорили, что полностью одобряют действия ГДР в отношениях с ФРГ (усиленные заигрывания, которые стали еще более интенсивными после декабря 1983 года – установки ракет).

Главное впечатление – меня позвали, как старого «умного» друга, который может понять необходимость и неизбежность самостоятельности и независимости Венгрии, «которая никогда при этом не уйдет на Запад, не порвет с Советским Союзом, которая всегда будет верна интернационализму». В связи с этим были и открытые упреки: как неуважительно и не по-товарищески мы поступили, не предупредив, не проконсультировавшись, не договорившись заранее об отказе от участия в Олимпиаде. «Разве могло быть сомнение, - говорил Дьюла, - что мы проявим солидарность, как бы это нам ни не нравилось? Но можно ли так грубо выражать неуважение к своим друзьям, ставить их перед фактом? Оставлять в дураках перед своим народом и своими спортсменами!»

Еще до Венгрии Б.Н. и Загладин дали мне «для замечаний» проект международного раздела Программы. Единственное его достоинство – лаконизм, всего 30 страниц. Но по большей части это не Программа ленинской партии для рубежа веков и тысячелетий. Между тем, как интеллектуальный потенциал на пиках наших научных кадров позволяет сделать то, что нужно. И программная речь Черненко (как другие его выступления по внутренним вопросам, например, перед военными комсомольцами) – политически позволяет писать

смело и глубоко. Но… аппаратные условности и промежуточные звенья не допускают высокого полета.

3 июня 84 г.

Забыл вчера пометить, что 20 мая был в ЦДЛ на поэтическом вечере Давида Самойлова (Дезьки). Много нового прочел. Он крупный поэт. Но сам признался в ответе на записку, что читает мало прозы «по техническим причинам» - из-за полуслепоты. Да, и не только дело в прозе, - вообще ограничен информацией. И это сказывается: поэтическое обобщение, ему вообще свойственное, перерастает в абстрактное «философское», сильно замешанное на приближении собственного конца. Делается это на высоком уровне, но очень уж оторвано от окружающего.

Читаю роман И. Герасимова «Радость жизни» («Знамя № 4-5-6). Кажется, одно из тех, что формирует новую великую русскую литературу.

Днем вспомнил: Венгрия хочет независимость в рамках содружества, причем нет ни предубеждения против Союза социалистических государств, ни сомнений в правильности и морально-политической ценности интернационализма. Наше отношение к этому видно по реакции на статью Сюреша и по тому, как «ответственные» товарищи поджимают губки, слыша о всяких реформах и прочем «оригинальничании» (два кандидата на выборах, выборность директоров, упразднение райкомов, реальные дискуссии на Пленумах и Съездах, не говоря уже о широких экономических и туристических связях с Западом, обилии товаров и т.д.).

Но это – лишь частное выражение общей нашей линии в отношении друзей: смесь шовинизма с бескультурьем и завистью. В пятницу я прочел огромную телеграмму из Берлина от Кочемасова – информирует о «негативах» перед встречей Хоннекера с Черненко. И тот же рефрен – в открытую, прямо, не пытаясь даже прикрыться принципами общности – «свободы, видишь ли захотели! Самостоятельными хотят быть!» Причем слово «самостоятельность» всякий раз берется в кавычки. Раньше подобное гауляйтерство приписывали Абросимову. Но вот и интеллигентный Кочемасов туда же… Дело, следовательно, не в после.

4 июня 84 г.

Сегодня была военная учеба. Для всего аппарата ЦК заместитель начальника Генштаба маршал Ахромеев прочитал лекцию «О характере современной войны» и показали два натовско-американских документальных фильма об их вооружениях. Маршал предельно четко изложил международную обстановку и нашу военную доктрину, а также, как готовятся к войне американцы. В выводах он апеллировал к аудитории – многие де из присутствующих прикосновенны к делам обороны. И это звучало как жалоба на то, что не все еще в республиках, в обкомах, в других гражданских подразделениях общества делают все необходимое по превращению страны в военный лагерь. Он не сказал этих слов, но видно было, что идеал жизни страны он видит именно в этом.

(Между прочим, любопытную цифру привел: 430 000 призывников за год пришлось отказать в военной службе по причине здоровья).

А потом фильмы. Они потрясают: ракеты, которые за сотни и тысячи километров сами находят цель, авианосцы, подводные лодки, танки, способные на все, крылатые ракеты, которые как в мультфильмах идут по каньону и за 2500 км. могут поразить цель величиной в 10 метров диаметром. Фантастические достижения современного гениального ума и умения. И, конечно, немыслимые расходы. Я смотрел и думал: но ведь столько же, даже больше должны на подобное тратить и мы. И все для чего? Чтобы готовить самоубийство человечества. Какое-то безумие! Забываясь, хотелось вскочить и спросить маршала: «Ну а что, если взять и ликвидировать все это оружие, которое у нас тоже, наверно, не хуже и не

глупее. И сказать на весь мир: с нас хватит, все, баста! Мы обрели нормальное зрение и здравый смысл! Что будет?.. Сразу американцы пойдут нас захватывать?..»

Но это уже неэвклидова геометрия! Вот тогда-то, в твоем звании заместителя заведующего Международным отделом ЦК, и впрямь сочтут тебя спятившим.

Пономарева опять смазали. По итогам поездки академика Велихова в США он «продиктовал» ему – с какими предложениями войти в ЦК (пресс-конференция по милитаризации космоса, обращение Верховного Совета к Конгрессу США, приглашение Кеннеди). Тот дисциплинированно сделал это, президент и главный ученый секретарь подписали. Пришло в ЦК, разослали по ПБ и Громыко с Устиновым вошли с запиской: отказать. Б.Н., естественно, как и все другие, расписался: «за», т.е. отказать своим же собственным идеям.

Его ничтожество… Сам рассказал, как он «организовывал» контакт Черненко с Папаоанну (генсек АКЗЛ КП Кипра). Папаоанну несколько месяцев просил, чтоб во время официальной делегации его партии в Москву его принял Черненко. Вот он приехал. Но как напомнить об этом Черненко? Б.Н. сунулся к Александрову. Тот ехидно возразил: вы, мол, Секретарь ЦК, это ваш вопрос, делегация компартии, вот и обращайтесь к К.У. Но Б.Н. не осмелился. А позвонил Дорошиной (стенографистке Черненко, бывшей при Брежневе самым доверенным лицом) – и предложил ей «текстовочку»: в коммюнике записать, будто Черненко принимал, а на самом деле, мол, не надо его беспокоить. Галя Дорошина так это и исполнила. Так оно и было сделано. И Б.Н. очень доволен: как он угодил и все, думает, довольны. Однако, не думаю, чтоб довольны были киприоты: их «сделали» как мальчишек. При Брежневе такой метод часто практиковался, но ему сходило – все видели, что он уже не в себе. К.У. же рановато ставить в такое положение.

Теперь Б.Н. мне предложил проделать так же с англичанами, с Макленнаном, которому он сам назначил дату – 19 июня. Но с теми так не пройдет. Прямо я это и сказал и постараюсь перенести визит на осень.

Был у меня Арбатов. Только что вернулся из Америки и Канады, целый месяц там провел: десятки встреч, дискуссий, TV, интервью, выступлений перед парламентариями, журналистами и проч. «Кто еще мог бы так это все сделать?!» - сказал Юрка без ложной скромности. Да, и в самом деле: кто еще! Тем более, что он не согласен с политикой, которую отстаивал столь ловко. Он убедился, что наше упорство и «жесткость» по ракетным делам начинают оборачиваться против нас. «Мирное» наступление Рейгана дает результаты: все больше мы выглядим теперь как саботажники переговоров, диалога, разрядки и т.п. На это же намекали мне венгры.

<u>6 июня 84 г.</u>

Б.Н. собрал у себя Русакова, Замятина, Стукалина (зав. Отделом пропаганды ЦК), были еще я, Шахназаров, Жилин, Антясов (консультант Отдела по соцстранам) – по подготовке к совещанию Секретарей ЦК соцстран в Праге. Сначала обычное его косноязычие об обострении обстановки, об империализме, о мирном наступлении Рейгана и т.п. Но разговор постепенно переместился на положение у тех, кто будет на совещании, в соцстранах. Русаков вдруг, с несвойственной ему откровенностью заявил, что «положение с друзьями плохо». О Польше и говорить нечего: партия день за днем теряет позиции, а идеологическая жизнь совсем вышла из под контроля. Шахназаров встрял: большое недовольство у чехов из-за установки наших «ответных ракет», хотя руководство и печать во всем следует за нами и неизменно поддерживают наши акции и заявления. А немцы – нет, - добавил Замятин. Договариваемся, например, по вопросам реваншизма, по Китаю… Но увы! Соглашаются, поддакивают, а потом – ни единой статьи на эти темы, ни разу не опубликовали даже корреспонденции «о провокациях Китая на вьетнамской границе». Русаков, согласившись, добавил, это нам известно, что вьетнамцы тайно договариваются о чем-то с Сиануком и против того, чтоб мы его ругали в своей печати.

Б.Н. «смело» повел: не надо задираться с Китаем, не надо создавать второй фронт, надо выдерживать линию на урегулирование. Русаков: да, но нельзя проходить мимо «трех условий», которыми они нас прикладывают всюду и везде.

Стукалин начал говорить, как плохо с венграми в «идеологической координации». Мало того, что они тоже ничего не пишут критического о Китае и о США. Они вроде собираются издать «1984 год» Оруэлла.

Б.Н.: Что-что?

Стукалин: Оруэлла… Такая книга, мерзопакостная, большей антисоветчины трудно себе представить…

«Как же они позволяют себе печатать антисоветскую книжку?» - удивленно настаивает Б.Н., показывая, что он совсем не представляет себе, что это такое и даже не слыхал.

Русаков берется ему объяснять, что это вроде, как бы «социальная фантастика», она написана в 1948 году, автор – англичанин и только имел в виду Советский Союз, описывая как бы будущее человечества, которому де грозит сталинистский коммунизм. Удивительно, что Русаков проявил осведомленность, а наш – к стыду нашему – даже не слышал о книге «1984 год».

Замятин добавил, что венгры выпустили 18-серийный фильм о войне, где хортистская армия на Восточном фронте показана жертвой жестокости русских. Посол, мол, протестовал, венгры выпустили на экран двух товарищей, которые осудили фильм, но на другой день запустили третью серию и так до конца. Русаков добавил о трудностях экономического положения, особенно о долгах Западу. Но, говорит, даже наши экономисты, ездившие изучать этот вопрос к ним, не знают, что предложить и где искать выход.

Замятин вернулся к ГДР, для которой «германо-германские» отношения – самое главное и они их утеплили на несколько десятков градусов как раз за последние полгода – резкого похолодания советско-американских отношений и вообще международной обстановки.

Так вот поговорили и пришли к выводу, что надо все это учитывать на совещании, но не надо ссориться.

Тем более, добавлю, что позавчера наградили Чаушеску Орденом Октябрьской революции за «развитие румыно-советской дружбы». Верх лицемерия и цинизма! Коридоры ЦК урчали целые сутки… Представляю себе всю прочую интеллигенцию… И тех же других друзей из соцстран!

В Венгрии мне не стесняясь говорили: ВЫ купили Чаушеску за 2 млн. тонн нефти в год, поддавшись на его шантаж – угрожал иначе выйти из Варшавского договора.

<u>9 июня 84 г.</u>

Взял работу на дом: первый вариант доклада Пономарева для совещания Секретарей ЦК в Праге, но заниматься этим противно.

Кстати о Пономареве. Вчера он призвал меня для «товарищеского» разговора. Опять жаловался на Загладина. Вот, мол, опубликовал «программную статью» в «Правде», никого не спросясь, не поставив даже в известность. Я, мол, оказался просто в дурацком положении: меня спрашивают о ней, а я даже прочитать в газете ее не успел. (Статья, действительно, на два подвала и посвящена международному комдвижению). Претенциозность тем большая, что все ее главные читатели знают, что Загладин работает сейчас над проектом Программы КПСС. По серьезному счету она, вообще-то говоря, пустая. Даже вот не помню о чем там. Помню только, что все реальные проблемы ловко обойдены. Мне он о ней говорил и потом хвалился, что его с ней поздравлял Горбачев. Но до публикации мне не показывал, хотя Пономареву сказал, что показывал. И дальше, - продолжает Б.Н., - мне стало известно, что они с Фроловым организовали себе в МГИМО выдвижение на госпремию. Он явно метит теперь и в член-коры, если не сразу в академики. И вообще, говорят о нем всякое на этот

счет: мол, метит и выше (не сказал, что на его место!) С этим связано, что куда не заглянешь, какой журнал не откроешь – там статья Загладина (это действительно так: из него текст прет, как фарш из мясорубки, аж смешно). Вот вчера, например, приносят «Московские новости», а там его статья, теперь уже не об МКД, а «Экономика и политика». На все руки горазд.

И еще, так уж сошлось. Зовет меня к себе Б.Н., говорит: звонит мне Боголюбов (зав. Общим отделом ЦК), говорит, - куда, мол, ты смотришь. Весь поселок Усово гудит от негодования. Загладин, теперь уже официально женившись на девчонке в 27 лет, в дочери ему годится, водит ее по всему поселку без стыда – без совести. А когда этих молодоженов не бывает на даче, его дочка устраивает там оргии. Буквально, говорит, оргии. Ну, что это! (Я начал было что-то бормотать в оправдание и объяснение)… Я, конечно, - продолжает Б.Н., - не ригорист какой-нибудь (вспоминая историю с Некрасовым 25-летней давности), я понимаю, бывает, разводятся, сходятся. Но ведь у него это уже третья жена. И вот такой дядя с пузом водит миловидную девчонку рядом, будто так и надо, и плевать на всех… и программные статьи пишет, метя в академики. А бывшей своей жене устроил квартиру от УД ЦК, партийную, нет, чтобы построить кооперативную за счет своих многотысячных гонораров и двух зарплат. Ну, что это, Анатолий Сергеевич! Есть же какие-то пределы приличия.

(Я опять залепетал на тему о его способностях и как он все успевает…) Да, да, - прерывает меня Б.Н., - все успевает за счет работы. Он не работает в Отделе: он либо за границей, либо на партдаче. Да и когда здесь сидит, работает на себя. Все знают, что Черняев сидит на месте, Пономарев сидит на месте. А Загладина никогда нет. Вот и пишет. А на даче? Вот этот раздел для Программы, который они мне на днях представили. Там же работы-то было на два вечера, потому что я сам все сделал, все отредактировал, все переписал!! (Это он мне говорит!). А на даче они сидят второй месяц. Вот он и пишет там свои статьи и брошюры за наш счет.

Долго он мне все это выкладывал и жалко было на него смотреть: ведь это говорил член могущественного руководства КПСС! Но он бессилен «тронуть» Загладина. Боится «поставить о нем вопрос» наверху, потому что знает, что проиграет. Там знают цену Загладину и презирают его как человека и партийца, но он им нужен, нужны его способности, его ловкость. А Пономарев им давно не нужен, они не чают, как от него отделаться. К тому же он, действительно, будет выглядеть нелепо, если пойдет жаловаться на своего первого зама.

Я тоже был в положении нелепом. Поддакивать ему по Загладину я не хотел и не мог, хотя, за вычетом женитьбы на Жанне, я с ним согласен. Предлагать какие-то свои «услуги по борьбе с ним» тем более не мог. Пономарев это понял и закончил тему: «Ну, ладно, это я так, просто поделиться с вами хотел…»

Вместо того, чтобы работать над докладом Пономарева, опять буду читать «Философские тетради» и «Канта» Гулыги.

12 июня 84 г.

Умер Берлингуэр. Зуевский сектор постарался, конечно, в угоду Пономареву составить на редкость бюрократические тексты телеграмм соболезнования и некролога. Казенные и сухие.

И это – когда вся Италия потрясена, все - от фашистов до леваков – отдают дань почтения и восхищения этим человеком, который по своим нравственным качествам лидера ближе всего (из всех известных и примерного калибра) походит на Ленина. Луньков (посол) эти дни слал телеграмму за телеграммой, буквально умоляя «отнестись со всем вниманием» и «выразить все, что можно», учитывая эмоциональность итальянцев и их отношение к подобного рода беде. Открытым текстом и со слов Коссуты писал, что от того, как мы отреагируем, может зависеть судьба наших отношений с ИКП на долгие годы… и можно-де многое поправить в их взглядах. Тем не менее, вот такая казенщина, представленная нашим

Отделом. Убежден: если бы представили иначе, теплее, человечнее и т.п., было бы тоже утверждено. «Идеологическая самобытность» ИКП и Берлингуэра мало кого волнует в нашей верхушке, кроме Пономарева.

Поздно вечером вчера мне пришла в голову идея – как через голову Пономарева «поправить дела». Сегодня открывается в Кремле совещание СЭВ на высшем уровне. Все руководители соцстран соберутся за одним столом. Почему бы Черненке, открывая заседание, не пригласить всех встать и почтить?.. Звоню Загладину на дачу в Серебряный бор, где они делают проект Программы. Никто не подходит ни к одному телефону. Звоню в машину Загладина, шофер отвечает, что едет за ним туда. Прошу, чтоб срочно позвонил мне. Через 20 минут звонит Загладин. Объясняю идею. Он воспринимает.

На утро Брутенц, который тоже там, рассказывает: Загладин тут же объявил всем и был «понят» Александровым, который обещал довести идею до Черненко.

И вот, только что, слушая «Время» по TV, узнаю, что «почтили». Слава Богу – хоть так!

Попутно Карэн сообщил еще одну любопытную вещь. Я завел разговор: не знаю, мол, кого пошлют от нас на похороны. Зуев-де считает, что надо Пономарева… Он и Лонго ездил хоронить. И более «крупного» не следовало бы. Отсюда, - отвечает Карэн, - «дали знать» (т.е. с дачи, кто-то, думаю, не Загладин, но с его подачи – Александров), что этого нельзя делать. (Итальянские коммунисты действительно ненавидят Б.Н.'а и не без оснований считают его виновником плохих отношений между ИКП и КПСС, а Берлингуэр почти не скрывал, что презирает его). В итоге назначен ехать в Италию Горбачев в сопровождении Загладина.

Из разговора, который имел место сегодня у Пономарева, я понял, что это решение принято без его ведома. И обидело его…

Попутно он сообщил мне свое мнение о Заявлении ЦК ИКП по случаю смерти Берлингуэра: «Плохой, очень плохой документ. Все отрицательное, что было в его деятельности, собрали обещают следовать этому и в дальнейшем. Неисправимы!»

Неисправим сам Пономарев, который до сих пор не отказался от мысли превратить ИКП в КПСС.

Начал работать над VIII томом «Международного рабочего движения». Хорошо написано, но все возле темы: суть проблем рабочего и коммунистического движения – обходится. Традиционная политическая история стран, даже не партий.

<u>14 июня 84 г.</u>

Был сегодня в Итальянском посольстве на процедуре, которую чуть не сорвал Пономарев – для выражения соболезнований по поводу Берлингуэра.

Б.Н.'а опять «поправили»: он тянул целый день, чтоб согласовать, расчитывая, что пройдет день похорон и вообще «отменят». Но послали не только его самого, но Соломенцева и Капитонова.

Вечером встречал Горбачева и Загладина. М.С. разговорился. Было видно, что на него произвело впечатление: и открытость итальянцев (его принимали все скопом – все руководство ИКП), и двухмиллионная толпа на панихиде. «Такую партию нельзя бросать. И надо с ней обращаться как подобает». (Видно, намек на Пономарева). Или: «Много знаешь ведь так или иначе. Но вот, когда сам увидишь – совсем другое дело!»

Словом, я очень доволен, что этот умный, живой человек и надежда нашей партии, соприкоснулся с этой партией. И, может быть, так доложит и Черненко, и на ПБ, что что-то сдвинется.

18 июня 84 г.

Некоторые сведения. Рассказывает Брутенц, вернувшийся из Серебряного бора, где они закончили очередной этап подготовки международного раздела Программы КПСС. Они – это он, Александров, Загладин, Бовин, Блатов, Яковлев (теперь директор ИМЭМО, бывший посол в Канаде, бывший зам. зав. Отделом пропаганды ЦК, бывший…). Атмосфера – развязались языки, Александров в присутствии всех называет Громыко опасным маразматиком, то и дело мелькает термин «двоекратия» (Громыко + Устинов); лихо обсуждается линия на жесткость с США: «работаем на переизбрание Рейгана». О Черненко тоже очень непочтительно (и наоборот – об Андропове – на прощальном ужине при закрытии дачи тосты были только поминальные). «Этот» же ни с кем не общается. Даже с помощниками. Они записываются к нему в общей очереди (из 20-25 человек) и до них никогда почти дело не доходит. Опять в фаворе Галя Дорошина (приданное Брежнева) – через нее все бумаги докладываются, через нее можно что-то протолкнуть.

Спрашиваю: «Кто же пишет эти красивые тексты для него? Какая-то группа где-то есть?» Никто не знает… Замятинцы, наверно, мидовцы.

Экономическое положение очень плохое. Но об этом – только в выступлениях. Реально Генсек этим не интересуется (хотя это уже из другого источника, от сельхозников, с которыми вместе встречали и провожали в аэропорту Горбачева – положение, действительно, плохое: соберем из-за засухи в мае примерно 150 млн. тонн, вместо 200 млн. по плану. Значит, опять примерно 45 млн. тонн придется покупать за границей).

А что касается Брежнева, то уж совсем не стесняются (его бывшие помощники)… Рассказывают такую историю. Л.И. очень любил смотреть «Семнадцать мгновений весны». Смотрел раз двадцать. Однажды, когда в финале Штирлицу сообщают, что ему присвоено звание Героя Советского Союза, Брежнев обернулся к окружению и спросил: «А вручили уже? Я бы сам хотел это сделать!» Рябенко (начальник охраны) стал хвалить вроде как героя фильма – какой он хороший, талантливый человек, честный и прочие. Другие подхватили. «Так зачем же дело стало?» - произнес Брежнев… И через несколько дней он лично вручил Звезду Героя и орден Ленина … артисту Тихонову!!! Именно: «Героя Советского союза».

Это воспринимается как анекдот в щедринской манере... да и то подобное возможно было только в павловские времена («Поручик Киже») или в губернском весьма отдаленном месте. Но это факт. Рассказал об этом Александров. Но тут же вступил Блатов: «Вы, говорит, Андрей Михайлович, при этом не присутствовали. А я там был сам, - и на просмотре фильма, и при вручении звезды. Ведь он (Л.И.) действительно решил, что Тихонов и есть настоящий Штирлиц»…

О работе над Программой. Говорит Брутенц.

«Ну, почистили, сократили, выпрямили, избавились от повторов. Но тебе я могу сказать: никакая это не Программа. Это скорее материал для отчетного доклада, который мог быть произнесен и на XXIV съезде, и на XXVI, и на XXVII. Это политическая декларация о том, как мы будем себя вести. Серьезного же анализа ситуации и на его основе прогнозов и перспектив там нет. Программа 1961 года была в этом смысле более «программной», хотя и ошибочной».

Я говорю: как же так? Вам даны довольно большие полномочия. В вашем распоряжении много очень серьезных и, действительно, научных книг и статей, написанных настоящими учеными, чувствующими свою ответственность. Достаточно почитать журнал ИМЭМО и даже «Коммунист», не говоря о «Рабочем классе и современном мире» или ПМС. Почему бы вам не сделать проект, по «гамбургскому счету?»

- Да ну, что ты говоришь, - возражает Карэн, - по отдельным разделам действительно есть серьезные научные анализы. Но чтоб собрать все это в одну общую картину, нужен политический полет мысли и нужна политическая воля. Мы же, рабочая группа, не можем рассчитывать ни на то, ни на другое. У наших «читателей», там наверху, нет ни того, ни другого. И получать по ушам никому не хочется, быть прогнанным к

клеймом, что не справились с ответственным партийным поручением. И так считаем завоеванием, что сказали о «резервах капитализма», о том, что на Западе высокий уровень жизни, о том, что социализм может оказываться в кризисной ситуации и что ему свойственны противоречия.

- Боже мой, - возражаю я. – Да об этом можно сейчас прочитать даже в газете «Правда».

- В газете, да. Там на это наши «первые читатели» не обращают внимания: вернее их внимания на это не обращают. А здесь – обратят. Симптомы мы уже получили. Когда прочел Рахманин (хотя он и в рабочей группе, но так как он писать не умеет, на даче он не сидит, а ему посылают изготовленное), так вот, когда он прочел, он упрашивал вычеркнуть «все это».

Потом заходил ко мне Загладин. Ласково-отчужденно смотрел на меня. Я сообщил ему несколько неотложных дел по службе. Попросил от имени Б.Н. прочитать проект его доклада для секретарей ЦК соцстран. Помолчали. Чтоб как-то продолжить разговор, спросил о Программе… «Все хорошо, мы дружно поработали, сократили, учли замечания, в том числе твои. Теперь уже прилично получается. Не знаю, как на этот раз воспримет Пономарев».

… И ни слова о том, о чем рассказал Брутенц.

Под конец сообщил несколько подробностей о пребывании Горбачева в Италии. В духе того, о чем рассказывал он сам на аэродроме. Интересна, пожалуй, добавка: когда делегация КПСС шла сквозь толпу к Центральному Комитету, где стоял гроб, тысячи итальянцев скандировали: «Горбачев, Горбачев, Горбачев! КПСС-ИКП, КПСС-ИКП!» Когда он случайно вышел с Пайеттой на балкон в здании ЦК, чтоб дать интервью киношнику, толпа внизу опять взревела: «Viva Горбачев!» И это продолжалось все те 10-15 минут, пока он стоял на балконе.

Арбатов, зашедший ко мне вечером (он все ждет вызова к Генсеку), добавил: Горбачев сейчас самый популярный наш деятель за границей. Газеты открыто пишут о нем, как о «крон-принце», как о самом интересном человеке с большим будущим.

И это очень хорошо, - сказал я и Загладину, и Арбатову. Опять появилась надежда для России.

21 июня 84 г.

Тружусь над пономаревским докладом к Совещанию секретарей ЦК соцстран.

Между прочим, он собирается на закрытой встрече (без румын) произнести доклад еще и о комдвижении. Тут беда – что готовить, когда у него своя точка зрения, например, на ИКП и финнов, у Горбачева и Соломенцева (который был на финском съезде) вроде другая, Черненко (говорит Загладин) «прислушивался» к Горбачеву, вернувшегося из Италии с похорон Берлингуэра с совершенно иными, чем у Пономарева, представлениями о том, как надо вести себя с этой «великой партией». (Кстати, он, вопреки Пономареву, настоял, чтоб ЦК КПСС поздравил итальянцев с выборами в европарламент).

И кроме того, у нас самих, у меня, Загладина, консультантов есть своя («гамбургская») точка зрения на МКД, - близкая к горбачевской=андроповской, и чуждая политическо-инструменталистской точке зрения Пономарева.

Но доклад-то для Пономарева, и он не будет пропущен через Политбюро! Вот и пиши тут!..

Встречался сегодня с Саймоном, генсеком Социалистической партии Австралии. Лидер просоветской секты. Полтора часа морочил мне голову «успехами» и «достижениями» своей марксистско-ленинской партии, а в заключение оставил письмо с просьбой дать денег.

29 июня 84 г.

Служба, вышла на последний круг – подготовка к Пражскому совещанию секретарей ЦК соцстран. Лепим доклад об МКД, т.е. фактически о нашем отношении в данный момент к ФКП, ИКП, КПИ, финской КП, КПВ – «Морнинг стар» и кое-что еще. Как «обойти» или хотя бы смазать склеротически-коментерновские, полицейско-идеологические подходы Пономарева?

Он недавно делал доклад перед московским активом. Писал ему его консультант Рыбаков. Б.Н. был очень недоволен текстом, менял его на ходу, в частности, был очень разгневан объективной оценкой ФКП, которая в результате «европарламентских» выборов оказалась в полном дерьме. Но для Пономарева она все равно «лучше», чем ИКП, которая одержала ошеломительную победу (правда, также и помощью «эффекта смерти Берлингуэра»).

Вчера встречал Сюреша (секретарь ЦК ВСРП) и К°, приехал «представиться» Пономареву и Русакову в качестве секретаря ЦК… Б.Н.'у мы подготовили памяток на 32 страницах. Интересно, неужели он их разложит и будет зачитывать Сюрешу vis-a-vis – «мальчишке», который совсем недавно был референтом и таскал ему чемоданы и который, конечно, будет излагать свои позиции без всякой бумажки?!

Устал я. Загладин и Брутенц опять на «теоретической» даче, дорабатывают проект Программы. Б.Н. мои замечания, по-моему не прочитав даже толком, отдал Александрову. И, кажется, они там при обсуждении вызвали недовольство, либо вовсе были игнорированы. Во всяком случае, Карэн по телефону старается обходить эту тему (чтоб не обижать). Ему, кстати, 4-го июля – 60 лет. Вчера переделывал адрес, начинав его более или менее красивыми оценками, впрочем, правильными.

Вся отдельская текучка опять идет на меня… А главная моя работа – два доклада для Пономарева к Праге. Оттуда приезжали Франта Хлад и прочие. Мы им вручили проекты документов совещания, которые они разошлют (как бы свои) другим участникам. Впрочем, посидели, обсудили эти проекты и кое-что изменили: Хлад предложил толковые поправки.

Казус с моим преждевременным оповещением Трухановского (главный редактор журнала «Вопросы истории») о его награждении орденом «Октябрьской революции». На Секретариате сам слышал, как Горбачев это затвердил и в повестке дня был этот пункт. А в пришедших вчера протоколах Секретариата – не значится! Что бы это могло значить? А он, когда я ему сказал, разволновался, как ребенок, дар связной речи потерял. Вот будет удар-то (а для меня конфуз), если награждение не состоится (т.е., если Политбюро не утвердит).

2 июля 84 г.

День тяжелый. В который раз перекраивал доклад для Пономарева в Прагу. А шифровки все идут, а ТАСС и газеты все пишут, - и инициативы всякие появляются. И меняется (обновляется) не только фактура, но и нюансировка политико-пропагандистских формул и заходов (оборотов речи). А он все норовит демонстрировать свое личное участие в подготовке «своих» речей. Сегодня собрал всех консультантов и замов и полтора часа болтал чепуху. В том числе в пятый, по крайней мере раз, я услышал, как он лет пять тому назад возил Берлингуэра по Крыму и убеждал, что социализм у нас есть и что поэтому надо бороться против антисоветизма. «Оценки» положения в мире и в компартиях столь примитивны и пошлы, что противно. Полторы дюжины умных, образованных, осведомленных людей внимали этому трепу, как откровению, которое должно быть положено в основу его докладов в Праге. Я подумал: если бы действительно на таком уровне готовили ему тексты, что было бы! Впрочем, не прошло бы. Он разбирается в том, что хорошо и что плохо сделано. Даже сам любит употреблять оценки: «убого», «примитивно» и т.п.

Завтра опять все сначала. И вот сейчас читаю в «Монде» убийственную статью Андре Фонтена «ФКП между государством и революцией» и все отрываюсь, чтоб записать приходящие «интеллигентные» мысли для включения в пономаревский текст. Так и все мы: лучшее, на что мы можем «в данном контексте» – ему. Впрочем, другие успевают и для себя. А для него (и для меня, как промежуточной инстанции) – не все самое лучшее.

15 июля 84 г.

Сегодня вечером уезжаю в Юрмалу. Б.Н. неожиданно меня «выдворил», так как сам собирается в отпуск с 1 августа, чтоб я оставался на хозяйстве, пока никого не будет. 5 августа я должен быть на работе.

Сейчас толком ничего записать не успею. Поэтому только обозначу.

9 июля собрание всего аппарата в присутствии Горбачева и других секретарей. Доклад Лигачева «о положении в Узбекской республиканской организации». Ужас, полное разложение. Запомнил: урожай хлопка рос, а выход волокна снижался из года в год, обворовывали государство на сотни тысяч рублей, сумели с помощью приписок утаивать по 240-300 тыс. тонн хлопка, взятки брали десятками тысяч, государство же обкрадывали на миллионы. В Ташкенте настроили дворцов, площадей и проч. Одно панно на станции метро стоило 2 млн. А между тем, полмиллиона жителей города до сих пор в глинобитных хижинах=землянках, без канализации, водопровода, газа, а то и без электричества. То же в Самарканде, втором городе по населению. Все начальство от высшего до нижнего обзавелось роскошными особняками в городе и виллами за городом, у некоторых по пять машин в личном пользовании. В ЦК КПСС за три последних года поступило обо всем этом 30 000 писем, однако… никто не придал этому значение…

В одной только Кашка-Дарьинской области арестовано все управление внутренних дел, т.е. милиция и К^{o}, во главе с начальником. «На сегодняшний день», как выразился Лигачев, у них уже изъято ценностей на 7 млн. рублей. В министерстве внутренних дел республики обнаружена приписка: 700 коммунистов «мертвых душ», с целью показать значительность партийной прослойки в министерстве. Во всех обкомах на главных должностях сидели родственники. Освобождено сейчас от работы несколько тысяч партработников всех рангов, около 1500 из них отданы под суд. Словом, какая-то фантастическая обираловка, перед которой бледнеет Михаил Евграфьевич (Салтыков-Щедрин).

Не очень ясно, почему решили это все разоблачить перед лицом всего аппарата, начиная с референта-инструктора. Может, чтоб каждый почесал где надо, не лежат ли у него в сейфе или в записной книжке «подобные факты»?!

С 10 по 13 июля был в Праге на Совещании секретарей ЦК. Доклад Б.Н.. Румыны. Тост Пономарева. Шифровка. Состояние: ты не сделаешь, никто за тебя не сделает.

Б.Н. затащил меня в редакцию «Проблем мира и социализма». Произнес часовую речь, экспромтом (пересказал в примитивном исполнении свой доклад на совещании секретарей ЦК). Потом вопросы и ответы. Мне он дал выступить по вопросу о Ватикане и социал-демократии, решив, что облагодетельствовал, но «дополнял», видимо я недостаточно обложил Папу.

8 августа 84 г.

С 16 июля по 5 августа был в «Янтаре». Великолепно провел 21 день. Теперь вот заменяю Пономарева и Загладина. Завтра впервые в жизни придется не только быть, но выступать на Политбюро.

Дел много. И опять, теперь уже Горбачев на ПБ, потребовал от Б.Н. откровенного доклада о комдвижении, а главное – «что с ним делать». Вольский за столом в «Янтаре» говорил мне (он был на этом ПБ), что из пятиминутного дела – итоги встречи Горбачева с

Ван-Гейтом – возникла двухчасовая дискуссия, выступили все и «вашего» (т.е. Б.Н.) «здорово приложили».

Но Б.Н., судя по тому, что с 19 числа ничего не было сделано и что он никого, даже Загладина не проинформировал, относится к этому пренебрежительно (так случалось при Андропове, а потом и при Черненко). Он не чует, что надоел и что его монополия на международное комдвижение никого не устраивает.

Вольский (помощник генсека) рассказал мне: «Захожу, - говорит, - после заседания Политбюро к Горбачеву по своим делам, а он меня вдруг спрашивает: как ты думаешь, выйдет чего-нибудь из этого?»

- Из чего? – не понял Вольский.

- Из обсуждения комдвижения на Политбюро… Понял ли и в состоянии ли понять Пономарев, чего от него хотят? Сможет ли он отреагировать как надо? Ведь там (на ПБ) никого из международников, кроме него самого не было. Как он донесет задачу до исполнителей?..

- Я, - говорит Вольский, - отнекался, мол, совсем я по другому департаменту. Ничего не могу сказать.

(Впрочем, может быть, Вольский что-то и сказал, только мне, Черняеву, не обязательно об этом знать).

Вот таково отношение к Пономареву.

Сегодня по телефону он пытался пускать мне пыль в глаза. Мол, ничего особенно, нам не предъявили претензий, не требуют срочно материал. Но, когда я ему сказал, что в аппарате идут разговоры, что Международный отдел «приложили», он несколько обмяк и стал советовать отнестись серьезно.

9 августа 84 г.

Выступления моего на Политбюро не состоялось. Присутствовал я на всех вопросах, а когда дошло до четвертого, по которому я должен был фигурировать, Горбачев заговорил сам и сказал примерно то, что я собирался сказать. При этом все время апеллировал ко мне, я, естественно, кивал. То ли он хотел облегчить мне задачу, то ли просто время не хотел тратить, не знаю. Он относится ко мне по-товарищески, сам произнес это слово, обняв меня за плечи перед своими помощниками после встречи у него с американцем Гарстом.

Правил рецензию Архипова на болгарский двухтомник о Димитрове. Архипов – ответственный секретарь журнала «Коммунист». А какое убожество эта рецензия! И какая неосведомленность относительно политики ЦК в отношении комдвижения сейчас! А ведь эта статья для центрального органа ЦК.

11 августа 84 г.

Вчера между делами закончил статью для «Коммуниста» о комдвижении. Получилось, кажется, неплохо и даже оригинально. Самое важное, что во всем ее стиле новое (желательное, не пономаревское, а надеюсь горбачевское) отношение к иностранным компартиям… Новый дух – не «борьбы за единство на базе марксизма-ленинизма», а понимание их собственных задач.

12 августа 84 г.

В пятницу были две встречи.

Антонио Рубби – зав. Международным отделом ЦК итальянской компартии, Тревер Мунро – генсек рабочей партии Ямайки. По два часа с каждым.

С Рубби мы давно знакомы. Он бывает озлобленным и тогда публично говорит про нас вещи худшие, чем любой самый правый в итальянском руководстве. Поэтому было

любопытно с ним – после того, как у них побывал Горбачев на похоронах Берлингуэра и произвел на них «неизгладимое». Рубби любит играть в откровенность, резать «правду-матку». Но на этот раз был предельно ангельски лоялен, вел себя сугубо по-товарищески. Даже, спросив про Афганистан, не завелся и не произнес их сакраментальную формулу: «Чего вам там надо?!»

Мунро – рафинированный интеллигентный негр, «brain» всех левых во всем Карибском бассейне, весьма образованный марксист. Он очень боялся, что я откажусь с ним встречаться. Мы, действительно, дважды в этом году откладывали его визит в Москву, потому что он «наделал глупостей». После Гренады (разгрома американцами революции там) обвинил Фиделя Кастро в предательстве, всячески оправдывал Корда, насочинял теоретических оправданий его действий, как последовательного революционера-ленинца, в отличие от Бишопа, мелкобуржуазного говоруна, который де нужен был на первом этапе революции, а потом стал ее тормозом. И т.д. в духе лучшей сталинской ортодоксии.

Я встретился с ним дружески, делал вид, что «ничего не произошло», начал издалека о наших внутренних преобразованиях и их международном значении, о Рейгане и перспективах отношений с Америкой, об обучении гренадских ребят в ленинской школе.

Он первый сам заговорил о Гренаде, извинялся: допустил, мол, грубую ошибку, потому что его гренадские друзья не доверили ему информацию о своих разногласиях (как, впрочем, и нам) и он все неправильно проанализировал.

В ответ я сказал, что мы были очень огорчены и главное тем, что он свою критику вел публично, но хорошо, что он теперь стремится восстановить отношения с Кастро. Напомнил ему эпизод из опыта нашей революции, а именно историю с Брестским миром. Тогда, если бы Ленин не одержал верх (в один голос) над Троцким и Бухариным в ЦК, немцы раздавили бы нашу революцию, и что на этом заседании, где Ленин пригрозил отставкой, нашелся Ломов, который промолвил: «Ну, что же, обойдемся и без Владимира Ильича». Однако, никому в голову не пришло тогда ни Ломова исключать, ни Ленина арестовывать, а потом расстрелять. А вот Корд и К^{o}, которых я не считаю контрреволюционерами и агентами США, но которых догматизм довел до авантюризма и преступления против революции, пошли на это.

Словом, расстались опять друзьями.

На ПБ, где я должен был говорить, среди других обсуждались также итоги переговоров Устинова и Чебрикова с Кармалем. Устинов очень красочно, своим народным языком, рассказал о своих впечатлениях и выводах. Оценивает он Кармаля очень иронически: но, мол, другого у нас там нет, ничего не поделаешь. Положение, как я понял, меняется мало. 80 % территории в руках бандитов. Даже в Кабуле полного порядка нет. Беда в том, что освобождаемые районы не укрепляются или, как бы мы сказали, там не устанавливается «советская власть». Уходят войска – возвращаются бандиты. В армии, если не 80 % халькистского офицерского состава, как вначале, то все 60 % осталось. И вражда осталась – до того, что даже здесь, в СССР, на учебе они почти каждый день в рукопашную. Наши войска закрыли на 100% границу с Пакистаном на протяжении 750 км., а дальше – 500 км. – «дыра», где свободно ходят туда и пуштунские племена, и банды.

Так называемая «мобилизация» в армию – один смех. Скажем, набирает (Устинов сказал «отлавливает») Кармаль допустим 3000 в год и записывает в армию, а 2500 из них разбегается. Кармаль, мол, все тянет к тому, что наши советники сами и должны править и исполнять власть. Я ему, мол, говорю: не выйдет. Ты у власти, это ваша страна, вы должны править, а наши люди, чтоб «советовать», если вы их спросите. Так что не перекладывайте ответственность.

Наш министр обороны умный, опытный, даже умудренный человек. В нем, пожалуй, нет ничего милитаристского. Но он – в логике событий. И не способен поглядеть в корень. Ему не приходит в голову как-то повернуть в корне всю нашу «афганскую эпопею». Потому что, если б пришло, он мог бы так же по-простецки (он со всеми на «ты»), по-стариковски сказать своим коллегам, - а не послать ли всех этих кармалей к ё… матери?!

Его дополнял Чебриков. Менее красочно по языку, с постоянными «значит» и допустил непроизвольно (вот что самое-то главное – сам этого не заметил) очень неловкую оплошность. Характеризуя Кармаля, он удивился, что «тот растет» политически, человечески. Но и, мол, привык быть главой государства, лидером. Начинает задирать хвост, упрямится и, конечно, хитрит с нами. Но, мол, ничего не поделаешь, восточный человек! Сидевший рядом с оратором азербайджанец Алиев густо покраснел, стал перебирать что-то в руках. Казах Нуриев (зам. пред. Совмина), армянин Кастандов (зам. пред. Совмина) тоже насупились и уткнулись в стол перед собой. Разговор пошел дальше. И только председательствовавший Горбачев, кажется, заметил, метнул по сторонам своими живыми острыми глазами и чуть, едва заметно, скрыл улыбку.

Для Чебрикова, по-видимому, все настоящие свои – это русские, кем бы они ни были по национальному происхождению.

На ПБ обсуждалось состояние с урожаем в РСФСР. Горбачев (а он, конечно, инициатор) вызвал нескольких секретарей обкомов – и тех, у кого очень плохи дела, и тех, у кого хорошо, хотя и у них была засуха. Устроил показательное сравнение: пусть, мол, каждый себя покажет. Трудно им с ним… Он знает дело лучше их. И малейшая неточность, некомпетентность, малейшая попытка слукавить – сразу же вызывали его реплику, и оратор оказывался в глупейшем положении. Особенно им трудно потому, что он не терпит (я заметил это и на Секретариате), когда читают по бумажке то, что люди должны знать, как Отче наш, даже если их разбудить среди ночи. Он недолго терпит такое «зачитывание» подготовленных аппаратом текстов, сразу начинает задавать вопросы, стараясь выявить главное: причины и как поправить, каков выход. И если оратор и после этих наводящих вопросов вновь утыкается в свой текст, он его бесцеремонно сажает на место. Одному сказал: «Садитесь, не продумали вы свое выступление».

Само же положение опять тяжелое. Все Поволжье, Центральная часть России, особенно Тамбовская и Воронежская области «сгорели» в майской засухе. Урожайность 4-5 центнеров с гектара.

Еще обсуждалось лесное хозяйство. Совмин подготовил проект улучшения дела. Но это улучшение не позволит нам догнать Запад даже к 2000 году по выработке изделий из одинакового количества срубленного леса. В США их делают на 166 рублей, а мы на 41 рубль. Более 25 % заготовленной древесины у нас идет в отходы, а в Англии и Японии – 2-4 %. Пропадает, сгнивает за год около 50 млн. куб.м. По объему заготовок мы сейчас на уровне 1958 года и это, несмотря на всю механизацию и проч. (Видимо, потому, что раньше у нас на этом работал Гулаг, а теперь никого не загонишь и не заманишь. Лигачев разъяснил, что бытовые условия лесозаготовителей много хуже, чем у всех других подразделений трудящихся.

Подобного я много слышал и раньше – на Секретариате ЦК – при Брежневе, Суслове, Кириленко. Но сейчас, когда за дело взялся Горбачев, появляется какая-то уверенность, что стронемся мы все таки.

16 августа 84 г.

На последнем Секретариате ЦК во вторник произошло следующее. Кончилась повестка дня, стали подниматься. Горбачев вдруг говорит: зав. отделами и тех, кто их заменяет, прошу остаться. Расселись человек 20. Говорит: позвонил мне вчера Константин Устинович. Я, вот здесь, мол, в отпуску получил возможность повнимательнее посмотреть телевидение, послушать регулярно радио, почитать газеты от строчки до строчки. И вижу: Что-то неправильное у нас делается. По каждому поводу, по каждому мелкому случаю то и дело: Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель президиума Верховного Совета СССР, товарищ Черненко Константин Устинович... Тут и там он что-то кому-то послал, указал, сказал, приветствовал и т.д. Конечно, пост Генерального секретаря утвердился в партии, как символ ее единства, коллективного руководства. Конечно, указания и высказывания

Генерального секретаря должны окружаться уважением, быть авторитетными. Но нужна же мера. По крупным, принципиальным вопросам, нужное количество раз. Но не на каждом шагу, где надо и не надо. Это вносит ненужный элемент, девальвирует. Посоветуйся, мол, с товарищами, обсудите, как лучше это поправить – без шума, без компанейщины.

Горбачев откомментировал сказанное, подчеркнул, что дело деликатное, но поправлять надо. Возьмите, вот хоть сегодняшнее наше заседание. Выступал тут секретарь Ивановского обкома, деловой разговор, и выступление дельное, конкретное. А как он начал? «Осуществляя решения XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС, указания Генерального секретаря, председателя президиума Верховного Совета СССР и т.д. и т.п.» Иногда мы тут или на каком-нибудь другом деловом совещании «рубимся» беспощадно, нелицеприятно говорим друг другу всякие вещи… и то и дело в таком деловом общении вылезает: в соответствии с указаниями Генерального секретаря, председателя президиума… и пошел, и пошел.

Было сказано присутствующим, чтоб обратили внимание. Зимянину было поручено собрать руководителей mass media и аккуратно «разъяснить» им.

Вчера звонил мне с Юга Пономарев. Рассказал я ему про это. Очень он заинтересовался, определил так: «против культизма, значит». Сегодня приходит ко мне Зайцев, говорит: звонил Б.Н., велел к тебе зайти, чтоб ты мне рассказал о последнем Секретариате. Это – для нового издания «Истории КПСС», которое бесконечно переиздается под редакцией Пономарева… «чтоб там соблюсти меру».

Разговорились (он ведь у нас консультант при Пономареве по истории партии, знает эту историю «с обратной стороны»). Началось с «малого». Ты, - говорит, - слышал про Молотова?

- Слухи, ничего точного…
- Так вот: восстановили в партии, билет уже вручили. А ведь у него руки в крови даже не по локоть, а по шею, если не с головой. Списки к расстрелу первый подписывал не Сталин. По государственному аппарату и промышленности, по партийным кадрам – Молотов. По транспорту – Каганович. По военным – Ворошилов. Сталин везде ставил свою подпись потом. Ужасные там вещи. Я сам держал в руках эти документы. Например, список 145 деятелей промышленности… подписаны: Молотов, ниже Сталин. Но рукой Сталина поставлена скобка против всех и написано: «Всех к расстрелу!» Или список 46 секретарей обкомов. Тоже скобка и такая же надпись рукой Сталина.

Вот так, - говорит…- А почему же тогда не реабилитировать Рыкова и Бухарина? - взвился Зайцев и продолжил тему. Вопрос о них встал впервые в 1957 году. Я и Минц были приглашены на заседание Президиума ЦК. Вопрос подняла Фурцева. Как же так, мол? По истории, которую нам преподают, с 24 по 30 год в стране не было председателя правительства. А ведь Рыков унаследовал пост Ленина. И Владимир Ильич, несмотря на «эпизод» 1917 года, когда Рыков ушел из правительства, очень его ценил. После Свердлова было два государственных человека по масштабам начатого дела: Рыков и Цурюпа. Но Цурюпа был очень болен и скоро сошел. А этот – человек кристальной честности и огромной эрудиции, пользовавшийся беспрекословным и искренним уважением всех… Что ему инкриминировали в 1938 году? – Что он на VI съезде голосовал за явку Ленина на суд, т.е. хотел руками контрреволюции ликвидировать Ленина. Но это ложь. Теперь ведь издана стенограмма VI съезда. Там черным по белому: Рыков вместе со Свердловым и Дзержинским был категорически против… в отличие от Сталина, который выдвинул предложение об «условной явке», т.е. если Временное правительство даст гарантии безопасности. Когда Рыкова арестовали, он писал Сталину из тюрьмы. Я видел эти письма, - продолжает Зайцев. «Иосиф, ты же знаешь, что это неправда, как же так!»…

А Бухарин? Тому инкриминировали помимо всего прочего, что он во время Бреста вошел в сговор с эсерами, чтобы убить Ленина. Кстати, в 1928 году, когда начали его громить за правый уклон, на московской партконференции один из участников потребовал от Бухарина разъяснений. Тот сказал: да, было дело, приходили ко мне в 1918 году,

предлагали договориться, обещали полную поддержку в устранении Ленина. Я их прогнал, а потом пошел к Владимиру Ильичу, рассказал ему и мы вместе весело посмеялись!

… Сталин с Рыковым был в довольно прохладных отношениях. Молотов с Бухариным всегда не любили друг друга. А вот Сталин с Бухариным были закадычными друзьями. Оба они были невысокого роста и когда встречались, особенно на даче, любили повозиться, побороться. Бухарин всегда клал Сталина на лопатки, тот очень злился и опять лез.

… Все в руководстве партии были друг с другом на «ты», кроме Ленина. Ни он – ни с кем, ни они с ним – никто. Это – от дворянской интеллигентности. А другие все по тюрьмам были знакомы. Там на «вы» - нелепо. Кстати, по всем свидетельствам Сталин очень плохо себя вел с товарищами в тюрьме, в ссылке, скандалил, интриговал…

- А что такое Каменев? – спросил я. – Зиновьева представляю себе, видно, действительно, по-человечески был довольно противен.

- Нет, Каменев – совсем другое. Прежде всего, - человек колоссальной образованности. Недаром его после снятия с партийных постов сделали директором издательства «Academia». Вокруг него всегда крутились люди из самой элитарной интеллигенции. И еще он отличался поразительной уравновешенностью, никогда не терял присутствия духа, всегда спокойный и рассудительный. Ленин внутренне уважал его. Между прочим, после того эпизода, когда Сталин назвал Крупскую шлюхой, Владимир Ильич позвонил именно Каменеву и попросил добиться, чтобы Сталин принес извинения.

- Ну, а все-таки, чем же кончилось на Президиуме ЦК по поводу предложения Фурцевой?

- Да-а… Ее поддержал Микоян, поддержал Фрол Козлов (был такой секретарь ЦК); Суслов занял неопределенную позицию: с одной стороны, мол, процессы 37-38 годов – фальсификация, Рыков, и Бухарин заслуживают реабилитации. С другой – куда это, мол, нас заведет. Пока так рассуждали, появился Никита. Был он, как сейчас помню, в генеральской форме, наверно, явился прямо с какого-нибудь смотра или визита в военную часть. И с хода стал говорить: «Ясно, что процессы – вздор, все подделка. Но пока хватит с нас Сталина (имел в виду XX съезд и разоблачение культа личности), от этого никак не очухаемся, да и все комдвижение тоже. Ничего, подождем. А пока давайте попросим авторов учебника (для того Минц и Зайцев и были вызваны на заседание Президиума), чтоб они подали дело так, будто процессов не было… Не было и все! Таким образом, и правду не скажем, но и неправды не скажем. Не просто, конечно! Но пусть покрутят мозгами».

Так, - продолжает Зайцев, - мы и сделали. В заговоре левых эсеров периода Бреста, в отличие от «Краткого курса», не упомянули Бухарина. А среди голосовавших на VI съезде за явку Ленина на суд не упомянули Рыкова.

И пустился в оправдание: мол, будущие историки оценят, что мы «в той ситуации» дали им щель, через которую они пролезут к правде.

Я возразил: с тех пор прошло 27 лет. Хрущев «отложил» рассмотрение вопроса. Но вы не предприняли ни шага, чтобы напомнить об этом! Кто же это сделает? Тогда, как ты сам говоришь, была создана комиссия. Результаты ее – целых три огромных тома преступлений Сталина. Теперь это все, как и сами документы, которые она подняла, вновь за семью печатями. (Да, - подтвердил Зайцев, - теперь туда никого не допускают!). Ты, Пономарев и Минц – фактически единственные, кто все это помнит и знает. Кто же будет «напоминать»? Или ты ждешь, когда тебе кто-то из нынешних руководителей «даст задание»? Им не до этого. Одному из вас – 90, другому – 80, тебе – под 70. Так все это и канет еще на 50-100 лет?!

- Что ты ко мне привязался? Могу я без Пономарева соваться? А он этого не сделает, хотя ему бы партия памятник поставила, если бы он осмелился… Но ему не это нужно. Ему нужна к 80-летию вторая золотая звезда. И у него нет уверенности, что если он с этим «войдет», его не шмякнут… Я стал говорить, что насколько я себе представляю

нынешних лидеров, - тот же Черненко, Горбачев, Воротников, Соломенцев вряд ли бы они были против рассмотреть еще раз этот вопрос.

- Не знаю, не знаю, - ответил он. – Знаю только, что когда Пельше был назначен в КПК (Комитет партийного контроля КПСС), он запросил эти материалы и изучал их. А вот Соломменцев, насколько мне известно, этого не делал и не собирается.

Попутно он мне сообщил, что видел сам опросный лист на дюжину примерно лиц с одним вопросом: «арестовывать или не арестовывать Бухарина». Против были: Крупская Микоян и … Хрущев! И еще: Крупская была отравлена в санатории «Архангельское». И когда неосведомленная медицина привезла ее на Грановского, поступило указание: в уходе отказать, лечения не применять, «пусть подыхает сама». Сделано это было понятно почему: Сталину стало известно, что на предстоящем XVIII съезде она собиралась «дать бой». Похоронили ее с надлежащими почестями.

Между прочим, читал на днях представленные в Политбюро «в порядке информации» обзоры писем первого секретаря Волгоградского обкома и зав. Отделом писем ЦК Яковлева – с просьбами и требованиями о переименовании Волгограда в Сталинград.

Когда я хожу утром на работу, в проломе Китайского проезда группа людей ожидает служебный автобус. Иногда я застаю, как он приходит и эти интеллигентные люди заполняют его. На ветровом стекле этого автобуса большой портрет Сталина! Это продолжается не менее двух лет уже. Говорят, разрешено, но только, чтоб в маршальской форме.

<u>17 августа 84 г.</u>

Позвонил Феликс (школьный друг) и сообщил, что умер Вадька (тоже один из школьных друзей). А я два года все собирался ему позвонить и помириться… после того, как я не позвал «всех своих» на свое 60-летие. Вот так ликвидируется детство: снесли дом в Марьиной роще, умер Жорка, а теперь Вадим.

<u>22 августа 84 г.</u>

Стенограмма беседы Черненко, Горбачева, Устинова, Русакова с Хоннекером, Аксеном, Хагером, Мильке, тайно приехавшим, и чтоб «обсудить» ссору из-за предстоящего визита Хоннекера в Бонн. Выламывание рук: рановато немцы решили, что они уже не вассалы, а партнеры. Но огрызались и осуждали, что спор мы вынесли на страницы «Правды». И обещания не ехать в Бонн не дали.

Брошюра для Пономарева о 40-летии Победы. Пошлость, пошлость и еще раз пошлость. Сколько все это может продолжаться!

На Секретариате: как-то «о контрпропаганде» на Украине – какая бездна неуправляемой и массовой стихии, в общем враждебной и строю, и власти, и образу жизни. Только легальных религиозных организаций на Украине – 5000.

Похороны Вадима. Наш школьный контингент убывает. И каждый раз колокол звонит по ком-то следующем. О самом спектакле похорон стоило бы рассказать отдельно.

<u>25 августа 84 г.</u>

В четверг встречался с Тато, бывшим помощником Берлингуэра. Проговорили два часа. Опять же – что делать, чтоб остановить Рейгана. В общем-то вежливый разговор инопланетян: они не хотят понимать, что нынешние США считаются только с силой и что с точки зрения международной то, что там происходит и то, как они себя ведут с другими, по сути сближает их с гитлеровской Германией второй половины 30 годов. В сфере политики ни компромисс, ни урегулирование невозможны. Они возможны, т.е. спасение от войны,

только если выйти за пределы политики – в сферу гуманизма, заменив политику философией «экзистенциализма» на новый манер.

То же самое ощущение и от вчерашней трехчасовой беседы с Альберто Мино – секретарем ЦК Сан-Маринской КП.

Был в четверг на Политбюро. Обсуждалась информация для партактива о «германо-германском» казусе. Зимянин попытался смягчить формулировки. Но на него насели, особенно Устинов. Логика такая: не только Хоннекер, но и Кадар, и Живков, и даже чехи «паршиво» себя ведут. Мы, мол, твердим, что ситуация все ухудшается из-за «Першингов» в Европе, а они, как ни в чем не бывало, обнимаются и с ФРГ, и с Италией, и с Англией. Мы же интеллигентничаем, боимся им прямо сказать…, а мы имеем право им сказать, что так не пойдет. Устинова поддержал Чебриков, на 50 % Горбачев и все, за исключением одной фразы, было оставлено, как предложено. Смысл: мы, мол, еще в июне, в беседе Хоннекера с Черненко, сказали, что в Бонн ехать не надо, а он не слушает и визит продолжает готовить..

Печально… Куда это все нас заведет?

<u>13 сентября 84 г.</u>

Путешествую с дочерью по Италии. Трое суток обратного пути. Будапешт. Встреча с венграми (поезд стоит там 6 часов). Дьюла Тюрнер в присутствии советника рассказывал о том, как Кадар излагал свое мнение послу Базовскому относительно полученной из Москвы информации ПБ (почему мы заставили Хоннекера не ехать в Бонн). Он начал так: «Мы, конечно, не рады такому обороту событий». И об интернационализме, который сейчас может быть реальностью, если его осуществлять через самостоятельность и специфику каждой страны содружества.

Арбатов. Обижается, что я якобы пренебрегаю им. Хотя мне просто лень с кем бы то ни было общаться. А он вновь считает, что его обкладывают со всех сторон и не ценят. И что на XXVII съезде не быть ему уже членом ЦК. Якобы подумывает о превентивной отставке: «Может, потом понадоблюсь, вспомнят!» Тоже мне де Голль! Тем не менее он дважды за это время был у Горбачева. По его словам, резал ему «правду-матку» и о продовольственном положении, и о том, что кругом видим врагов: и ГДР, и болгары, и венгры, а о поляках и говорить нечего. Лучшие наши друзья, оказывается, Чаушеску, Ким Ир Сен. С ними все в порядке, все нормально, претензии спрятали в карман.

И о том, что с Западной Европой надо что-то делать. И что Рейгану не надо делать подарок: безальтернативное согласие Громыко на встречу с ним в Вашингтоне 28 сентября.

Сегодня ездили в Нагорное на военную учебу. 11 автобусов с мигалками. Движение за полчаса до нас останавливалось. Гражданская оборона… Генерал Алтунин и другие генералы и полковники. Все построено на том, что, конечно, разрушений и гибели будет больше, чем в ту войну, но что можно восстановить, спастись и опять жить.

Б.Н. вроде принял в основном записку по МКД, но несколькими вычеркиваниями и рядом пожеланий сводит ее дух к банальной газетной статье о героизме коммунистов.

<u>16 сентября 84 г.</u>

Был разговор у Б.Н.'а у нас с Загладиным. Этот, как всегда, со всем соглашается и делать ничего не будет. У него другой уровень влияния на политику: записочки для К.У. вместе с Александровым. А «эти», т.е. Пономарев с его жалкими претензиями что-то значить и примитивными усилиями ради самосохранения, - не стоят ни извилины, ни нервной клетки.

А я весь горел от негодования: опять он тянет на лакировку, на дешевую пропаганду в пользу МКД, которое для него все равно, что обком, где надо дела представить наилучшим образом.

Да, я же не сказал о чем речь. О записке в ЦК по МКД. Наш проект для Пономарева опять «очернительский». Он не понимает, что его проверяют – на серьезность, на способность реалистически оценить положение, способность по новому, по современному взглянуть на вещи, выдать план – программу в этой его сфере, которая отвечала бы горбачевскому подходу к политике.

Наш же Б.Н. Горбачева презирает, считает его выскочкой и полным невеждой в большой политике, «аграрным секретарем», который два раза съездил за границу и воображает, что все постиг. Это высокомерие дорого обойдется Пономареву. Тем более, что оно обращено на человека, который превосходит Пономарева по всем параметрам в десятки раз, в том числе и по уму, и по образованности, и по принципиальности, и по порядочности. И к МКД у него здравый (а не полицейско-пропагандистский, как у Б.Н.) подход. И он добьется своего, скорее всего путем устранения Пономарева. Но еще год будет потерян. Да и Международный отдел окажется еще раз в дерьме, поскольку через Пономарева в ЦК мы с этим заданием не прыгнем.

18 сентября 84 г.

Был на Секретариате ЦК. Слушали Леонова, первого секретаря Калининского обкома. О работе обкома в сельском хозяйстве Горбачев и все подвергли его беспощадному разносу с выводом: если так и дальше будет, придется снимать. И не только за невыполнение планов и полный завал по всем показателям, а – что особенно бросалось в глаза – за потакание фимиаму, восхвалений в свой адрес, за терпимость к подхалимству, за говорильню и показуху вместо конкретного дела, за партийную нескромность.

Макленнан с делегацией согласился приехать, хотя Черненко отказался его принимать. Оно и лучше – если от нас будет во главе Горбачев. Но суеты мне предстоит много, так как британский сектор совсем беспомощен. Не перестаю удивляться, насколько примитивны в большинстве своем наши работники, многие из которых состоят в Отделе по 25-30 лет!

Ни чувства современности, ни надлежащих знаний, ни способности подать – написать то, что знают.

20 сентября 84 г.

Видимо, произошел второй «идеологический кризис» в моей биографии. Причина – та же: я вновь оказался в положении китайца, который поверил в лозунг «пусть расцветет 100 цветов». В марте Амбарцумов принес мне статью о Ленине и кризисе 1921 года. (Я даже предложил ее назвать «Ленин в 1918 году»). Попросил порекомендовать в «Вопросы истории». Статья – блестящая, свежая, умная и вся построена на ленинских мыслях. Но в ней и намеки на кризисы в Венгрии, Чехословакии, Польше и как их по-ленински преодолевать.

Трухановский меня, конечно, послушался и дал статью в ленинский, апрельский номер.

А в сентябре (или августе) статью прочли в Варшаве. Заинтересовались ею сначала «ревизионисты». Нашли в ней поддержку своей линии. Дошло до Ярузельского. Он тоже одобрил и разослал аннотацию по Политбюро. Потом – хвалебная рецензия в «Трибуне люду». Этого было достаточно, чтобы статью начали читать в аппарате ЦК. Не знаю уж кто первый «стукнул», скорее всего Отдел соцстран, но последовало указание Зимянина ИМЭЛ'у – дать разгромный отзыв. Было исполнено. Потом – записка отделов науки и пропаганды… И вот сегодня в папке материалов по редколлегии «Коммунист» (где я тоже состою) я получил совершенно заушательскую погромную статью Бугаева, где и Амбарцумова, и редакцию «Вопросов истории» обвиняют в извращении ленинизма и т.п.

Звоню Косолапову, говорю: бандитизм, трапезниковщина в худшем виде. Он: ничего не могу сделать, указание. Но тут же стал мне доказывать, что статья и по его мнению

уязвима. Я ему: не валяйте дурака, полгода никто этого (т.е. отступлений и извращений ленинизма) не увидел, а тут вдруг… Впрочем, понимаю: нужно измордовать Амбарцумова, чтоб полякам не повадно было, вместо того, чтоб вежливо указать самим полякам, что они извращают Амбарцумова.

Отдел науки выяснял у редакции «Вопросов истории», как статья появилась. Сказали правду: рекомендовал Черняев. Так что все всё знают: только ни мне, ни Трухановскому (который мне несколько раз панически звонил) никто официально ничего не сказал.

Косолапову тоже не была известна моя роль. Все делается «анонимно». Федосеев уже поручил десяти ученым дать заключение по статье и сделать выводы.

Как бы там ни было и как бы ни относиться к заушательской похабной статье в «Коммунисте», я редакцию подвел, и Трухановского, которому вот-вот избираться в академики, - лично.

А они-то мне так во все верили, мое мнение на протяжении двадцати лет было беспрекословно авторитетным!

Словом, надо подавать в отставку из «Вопросов истории».

Вот тебе и июньский Пленум с призывами к творчеству, к смелости, к обоснованному риску, к свежести мысли, а не пережевыванию известного!

21 сентября 84 г.

Б.Н. почти без поправок отправил Горбачеву памятку для бесед с Макленнаном и К^{o}. Согласился в воскресенье встретить делегацию. Беспомощность Джавада и к тому же пьянство с помощью Пышкова. В чем только душа держится. Но сочувствия у меня нет: бездельники вызывают у меня отвращение, даже те, к которым в принципе питаю симпатию.

Раздражает даже не то, что приходится работать за сектор, в конце концов не так уж много на это уходит времени. Раздражает бессовестность людей, которые не стесняются получать зарплату за чужой труд – даже труд начальства.

Отредактировал и послал в «Коммунист» рецензию на «Ежегодник» под редакцией Красина, этим обзором, видимо, хотят перекрыть проблематику нашей статьи об МКД, о которой даже не напоминают авторам.

На редколлегию «Вопросов истории» не поехал, хотя Трухановский очень звал: нужен был кворум для выдвижения его в академики. После редколлегии позвонил ему и «огорчил» информацией о вчерашнем своем разговоре с Косолаповым. Он мне в свою очередь рассказал о том, как Владимиров (первый зам. Отдела науки) крыл статью Амбарцумова на брифинге в Отделе.

Сказал Трухановскому, что собираюсь подать в отставку из редколлегии («в традициях русского офицерства и английских кабинетов»). Он отговаривал, хотя - не очень, признавшись, что это поможет спастись ему самому: вся вина на меня.

Опять «по новой» начал работу над запиской с планом по МКД для Политбюро. Загладин продолжает сачковать, занимается своими статьями, выступлениями в разных аудиториях, а также приемом делегаций.

Арбатов сообщил, что в разговоре с Горбачевым тот назвал меня «одним умным человеком в Международном отделе»… Приятно слышать.

Закончил читать «Камо, напомните мне» Зубарева. Большая, настоящая литература. «Камо» заставляет задуматься о бессмысленности жить по совести… разве что, чтоб потом про тебя написали документальный роман.

23 сентября 84 г.

Утром ездил на дачу. Наслаждался общением с природой, а вечером забежал в музей Пушкина. Но убедился, что с плохим настроением лучше этого не делать. Однако за 45

минут испытал то же самое, что от сегодняшнего буйства осенних красок, - тоску по простой, настоящей жизни.

Между прочим, узнал, что разрешили издать роман Рыбакова «Дети Арбата» - о Сталине и 1934 годе (первую часть я читал в рукописи) и будто вопрос рассматривался наверху: Горбачев, Воротников, Пономарев – за. Стукалин давно за. А вот Шауро и Беляев всегда были против. И еще узнал, что уже есть верстка сборника воспоминаний и эссе о Шолом-Алейхеме. Подержал в руках. Немыслимо было бы даже пару лет назад. И статья о еврейской литературе на идише…

Поздним вечером встречал Макленнана и К°, включая Филиппу Ленгтон, феминистку, члена Политбюро.

В аэропорту все как положено: сигнальные ЗИЛы, полно милиции в штатском… Б.Н.: 45 минут разговора за чаем тут же. Он в своем вульгарно-примитивном репертуаре. В гостиницу с Макленнаном Б.Н. не поехал. Ужинали: англичане, я, Джавад, Лагутин и переводчица. Разговор с самого начала соскочил на литературу (в связи с предстоящим пленумом Союза писателей). И вот целый вечер я развенчивал их представления о нас и нашей великой литературе, - не просто, так как тут полное невежество в отношении реального состояния нашей сегодняшней литературы. Зато эта тема позволила создать атмосферу откровенности и открыть интеллектуальный уровень, на котором мы могли бы с ним общаться.

27 сентября 84 г.

Всю неделю занимаюсь англичанами. Вчера была встреча в Политбюро. Ее очень удачно, умно провел Горбачев, откорректировав наш идеологический пуризм и задиристость, создав атмосферу подлинного товарищества акцентировкой на политику и признанием права на своеобразие.

Наш Б.Н. был в своем обычном, банальном амплуа. Стыдно. Англичане «в обаянии» гостеприимства и доброжелательства. Им показали колхоз, совхоз, завод им. Орджоникидзе. Я с ними был почти постоянно, говорил обо всем, о чем оказывалось уместно. И нигде им ничего не навязывали, нигде их «не учили» и не «призывали». Даже когда сегодня у меня два часа рассказывали им про китайцев, это сделано очень корректно, предельно объективно, только на фактах, а выводы пусть сами делают.

Завтра их провожаю.

Горбачев потом, после встречи с ними, позвонил, интересовался «ну, как?», а потом допрашивал, что я думаю о поездке его в Англию во главе парламентской делегации (его зовут все, от Тэтчер до…). Он сказал об этом на беседе. И Макленнан энергично поддержал идею поездки. И я тоже – еще более энергично, даже нахально, сказав, что это буде акт нашей «европейской политики».

Потихоньку, урывая часы на работе, доделывал записку и план работы с МКД для Политбюро. Теперь могу опереться на то, что говорил Горбачев англичанам.

Вчера забежал ко мне Амбарцумов. Поговорили. Я отказался что-либо предпринимать – «из гордости». Он тоже не собирается распластываться и бить себя в грудь. Тем не менее, проснулся сегодня ночью от мысли, почему бы не написать свое мнение Косолапову, покрутился с боку на бок, потом встал и тут же написал две язвительные страницы (приложу на память). Утром отправил. Интересно, что он будет с этим делать?

Черненко дали третью звезду Героя в связи с 73-летием. Брежневиада продолжается без попыток сделать как-нибудь по-оригинальнее.

Речь его (на юбилейном пленуме Союза писателей), над которой три месяца работала бригада умных спичрайтеров, очень хороша. Дай Бог, чтобы ею руководствовались чиновники от культуры.

29 сентября 84 г.

Не знаю, как обошелся Косолапов с моим посланием. Но история со статьей Амбарцумова уже идет по Москве. До Бовина, до Арбатова дошло. Они мне рассказывали со слов других, совсем незнакомых людей, из разных «слоев».

Арбатов вчера вечером по телефону долго убеждал меня, что мне надо идти к Горбачеву и сказать ему: «Зачем нам нужен этот скандал с Ярузельским по говенному делу, мы что? Совсем хотим остаться в друзьях только с Ким Ир Сеном и Чаушеску?» Но я не Арбатов. И я не пойду. Может быть, пошел бы, если бы не я был «виновником» этой статьи.

Когда бываешь на Секретариате, наблюдаешь, как их ведет Горбачев, сердце радуется: возрождается настоящий партийный стиль ведения дел, отношений в партийной верхушке, отношений в рамках партийной элиты и т.д.

Но когда смотришь на сцены награждения Черненко, тебя опять макают в брежневско-дворцовский стиль. Причем, всем бросилось в глаза, что награду вручал и речь произносил Устинов (!), а не Горбачев, что, казалось бы, естественно – «второй человек» в партии и даже не Тихонов. Значит, вроде бы «смазали» М.С. перед лицом всех и вся, чтоб все видели, как обстоит дело и кто хозяин.

И еще… Награждают ни за что, ни про что, без всякого повода (73 года!) и тут же пишут о скромности, как об одном из характерных его качеств. Впрочем, по дворцовой логике скромность – атрибут должности, а не человека, ее занимающего. Положено Генсеку большевистской партии быть скромным, значит, так оно и есть, независимо от того, каков он на самом деле и тем более, каким его видит весь народ!

2 октября 84 г.

Вчера вручил Б.Н.’у записку и проект для ЦК о комдвижении. Он не читал, конечно, но взамен всучил мне написанную для него консультантом Колей Ковальским статью о том, что Рейган, вопреки истмату и Марксу, считает революционные события «рукой Москвы»!

Пошло! Пошло! Ужас.

Вчера он приглашал нас с Загладиным (который, кстати, не сделал по моим проектам ни единого замечания). Посоветовал: пусть Б.Н. читает… что скажет. Прав Карэн: Загладина устраивает любой вариант, - если Б.Н. будет тянуть с представлением, он и виноват будет перед Горбачевым, Загладин тут не при чем. Если материал Горбачеву понравится, то сделано будет так, что все будут знать, что эта заслуга Загладина.

У Б.Н.’а шла речь – как обеспечить высокий уровень представительства на совещании в Праге по ПМС… Это ему нужно для престижа: на фоне двух (хотя бы) десятков генсеков он сам выглядел бы значительно.

Между тем, еще и еще раз подтверждается, что наверху его ни во что не ставят. Горбачев спросил Загладина, как, мол, дела с запиской. Загладин якобы мямлил, - мол, идут. «Смотрите, - заметил М.С., - если вы собираетесь опять аллилуйщину представить, лучше еще потяните месяц-два!»

Загладин передавал весь разговор с Горбачевым. Может быть, много и присочинил, но даже если 25 % правда – это знаменательно. И об МКД – что оно другое и старого не вернуть. Партии, действительно, самостоятельны и так с ними и надо обращаться. И подумать, почему влиятельные, сильные партии «впадают в уклоны» и отходят от нас, а маленькие, ничтожные – ортодоксальные и верные, и каковы критерии хороших отношений в МКД: «хорошо к нам относятся? В этом главный признак качества партии?.. А если бы они взяли бы такой критерий по отношению к нам, мы бы стерпели?»

Говорил якобы Горбачев о бардаке в творческих союзах: старики, бездарности, маразматики сами себя хвалят, сами себя представляют к наградам, сам себе делают премии и звания… А выставь, например, таких художников, никто не пойдет смотреть. В то же

время Глазунов (с которым Горбачев недавно встречался) обозлен до того, что «если передать в КГБ пленку того, что он мне наговорил, прямо хоть сажай».

А он прав. Он действительно обделен. Как бы ни относиться к тем или иным его картинам, выставь его, так хоть конную милицию вызывай, какие толпы собираются. Так и было уже. Между тем, у него нет даже одного паршивенького орденишки, не говоря уже о премиях. Таковы дела.

Впрочем, - заключил М.С., - что-то сдвинулось, не спугнуть бы, нельзя торопиться, форсировать. Во внешней политике тоже: я вот поеду в Англию, Кунаев в Японию… Так вот будем постепенно размывать монополию (т.е. Громыко, имя не было названо).

Замыслы, значит, у него большие. Дай Бог ему здоровья, как говорили в старину.

Читал запись беседы Громыко с Рейганом. Ох-ох-ох!

Только что прослушал в программе «Время» беседу Черненко с Мухаммедом (Йемен). Ну прямо как китайцы в начале 60-х ведем мы себя ведем в дипломатии! Слепы, глухи и глупы. Неужели это Александров с Брутенцем сочиняют такие тупые памятки!!

3 октября 84 г.

Б.Н. вдруг выступил в роли «голубя», сказав мне, что то, что Черненко заявил йеменскому Мухаммеду и что было на TV и в газетах – вчерашний день. Надо, мол, ловить Рейгана на слове и не допускать, чтобы нас обвинили в том, что мы оттолкнули протянутую им руку мира.

Так оно и выглядит в газах общественности. Дубовая позиция Громыко и аккомпанемент нашей пропаганды совсем поставили в тупик «миролюбивую общественность». Мы ведем себя так, будто не видим другого выхода к сохранению мира, как гонка вооружений.

5 октября 84 г.

Вчера позвонил Косолапов. Спрашивает, что ему делать с моим письмом-протестом. Сегодня, мол, редколлегия. Зачитывать?.. Ведь дело все равно необратимое. А, если зачитаю, это вас поставит, как бы это сказать, в «специфическое» положение в редколлегии.

Я в ответ спросил: Замятин знает об этом моем мнении? Он замялся. Потом: да, знает, «когда давал указание, мы с ним говорили о вас. Он знает, что статья Амбарцумова – это ваша рекомендация». Я не стал выводить его на чистую воду, хотя понятно, что он показывал (или зачитывал по телефону) этот мой протест. Не стал я, конечно, выспрашивать, что обо мне говорил Зимянин.

В оправдание своего поведения Косолапов начал было опять говорить, что он лично тоже не согласен с моей оценкой статьи Амбарцумова. Но я отказался вступать в эту нелепую дискуссию. На днях выйдет «Коммунист». Впрочем, Косолапов заверил, что бугаевский разнос подан в ослабленном виде.

Только что вел длительную беседу на Дмитровке с Каштаном и Уолшем (лидеры КП Канады) – об итогах Громыко в Вашингтоне, о перспективах международного Совещания компартий, о британской делегации КП в Москве, о положении в ФКП и т.п. подробно записывали (в апреле у них свой съезд).

6 октября 84 г.

Попался в руки Карамзин. Об Иване Грозном. Такое впечатление, что Сталин хорошо прочитал Карамзина и действовал точно по его схеме – в зверствах. А может быть, такова биологическая логика тиранов. Карамзин заканчивает главы о Грозном: Злопамятна история, народ – не злопамятен. То же самое с народным отношением к Сталину.

Почему не любят и не верят Черненко? Не только же потому, что он не смотрится по TV и задыхается. Он произносит прекрасные, умные, справедливые речи (что перед писателями, что перед народными контролерами). Но все знают, что он вернул Щелокову все регалии и определил его на службу в его же министерство старшим инспектором. Ему не прощают, что Медунов вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, живет в Москве на хорошей пенсии. А теперь вот главный московский лихоимец и вор Гришин получил вторую звезду Героя.

Смотрел «Время желаний» с Папановым. Великолепно и мудро, и очень во всем современно сделанный фильм.

Впервые читал стихи Арагона по-французски. Любопытно. Он в свое время был просто просоветским…

Опять обратился к Герцену. Дневник 1842-45 годов. 30-летний человек. Гигантский ум и феноменальная образованность. И опять же – все про нас сегодняшних.

<u>7 октября 84 г.</u>

Был в Царицыне. Смотришь на это великолепие недостроенного замысла и хочется, чтоб это было доделано сейчас, сразу во всеоружии современной техники и возможностей, чтоб внутри все сверкало хрусталем - плафоны и фески, мраморные лестницы и паркет, чтоб это был партнер Третьяковки или Пушкинского музея.

И… впервые я был в Царицыне в 1928 году. Школьная экскурсия первоклассников. Возила нас туда в мае первая моя учительница Надежда Ивановна – из школы на Маросейке, в Петроверигском переулке, куда я до пятого класса ездил на трамвае один каждый день из Марьиной рощи.

Я, видимо, уже был простужен, а мы, помню, еще валялись на траве. Поездом (с паровозом) нас привезли обратно на Курский вокзал, а оттуда я добирался, как и всегда, один. Доехал я до Марьинского рынка, вышел, а идти не могу. В начале бульварчика на Шереметьевской лег на скамейку. Пошел дальше, опять лег. Так еле добрался до дома и упал в объятия бабушки. Температура в этот день перевалила за 40°. Страшное, по тем временам, крупозное воспаление легких. Чуть не умер. Спас меня рощинский «земский» врач Михаил Иванович Соколов со 2-го проезда (помню белый чеховский домик, где он принимал больных). От этого воспаления пошла у меня астма, которая мучила меня приступами (раз в месяц по два-три дня) до 1960 года, включая войну. Тот же Михаил Иванович предсказал тогда: кончится в 20 лет или в 25. Если нет, то в 40. Если и в 40 не кончится, тогда умрет от астмы. Ровно в 40 лет приступы прекратились. Последний был летом 1960 года. Но последствия этой болезни ощущаю до сих пор.

Вот такие воспоминания у меня с нынешним визитом в Царицыно.

<u>10 октября 84 г.</u>

Позавчера был в гостях у Григория Бакланова. Теперь он уже совклассик. Без него не обходится ни одна официозная обойма наших прозаиков.

Посидели, выпили. У него умная, во всем осведомленная жена. Пришла Ира Огородникова и сразу же взяла лидерство в разговоре. Мы с ней давно не виделись, ей должно быть 64, а она глядится красоткой: изящная, элегантная, светлая… ничего не скажешь – порода! Столбовая, никак…

Говорили о чем попало: о пленуме писателей, совершенно ничтожном, пустом, свидетельствующем о тупике литературного процесса, если пытаться его изображать, как нечто цельное и целеустремленное, – а именно так напрашивалось его судить, потому что он был посвящен 50-летию первого съезда писателей, т.е. началу «единого потока», соцреализма. Говорили о генеральстве в писательской среде, о том, как начальники в Союзе писателей сами себя выдвигают, награждают, сами себе присваивают, сами себя издают и

т.п., о несправедливостях, как везде, о шкурничестве вместо идейности, о беспринципности и даже смелости ради карьеры.

Говорили о немцах, которые не все фашисты. Бакланов пытался со мной спорить: мол, все равно они нас презирают и пока у нас не будет хорошей (лучшей, чем у них экономики, а этого никогда не будет), они нас не зауважают и не сочтут за равных. Я возражал, что у нас-де свое «оружие», чтоб быть снисходительными и поплевывать на их претензии.

Говорили о Горбачеве – как продолжателя Андропова, который не знал, что мало ему отпущено, и поэтому медлил с решительными мерами.

О молодежи, о тех, кто празднует у нас дни рождения Гитлера, о том, что символы «Спартака», «ЦСКА», «Динамо» на стенах и заборах – это не просто детские забавы болельщиков, это почти организованная форма протеста, пока еще не имеющая определенного адреса. Ирка выдвинула теорию: нас стало слишком много – людей, а регулятора (естественного) нет. Вот и начинаем бесится.

Бакланов подарил три тома своего выходящего четырехтомника. Полистал я его во время болезни. Задержался опять на «Июле 1941 года». И поразился опять: это же – куда там Константин Симонов – клеймление преступлений, которые обернулись миллионными жертвами, трагедией 41 и 42 годов! И это вновь издано в 1983 году – за такое, в гораздо ослабленном виде, Некрича в конце 60-х исключили из партии и выгнали из Института истории, и он оказался в США. Но в однотомнике о Второй мировой войне под редакцией министерства обороны начисто игнорируется, каковыми мы в действительности оказались перед нашествием. Все там в порядке: войну предвидели, к ней готовились, принимали все меры, но вот, мол, не успели. И в это же самое время выходит этот роман Бакланова, как, впрочем, и другие художественные произведения такого же взгляда на нашу тогдашнюю историю.

Все-таки хорошо, что в России никогда, за исключением сталинской эпохи, не было порядка!

11 октября 84 г.

Сижу дома, но в основном делаю все для службы. Несколько раз правил записку об МКД для Политбюро, которую Б.Н. еще и не начинал читать, хотя получил до своего отъезда в Алжир. Думаю, откладывает до после Пленума, рассчитывая (как уверяет Арбатов), наконец, прерваться в своей голубой мечте – стать членом ПБ. Придумал я «критерии» нашей работы в МКД с учетом реалий: что не все считают себя марксистами-ленинцами (но их не исключить из МКД), что многие нас будут критиковать и с этим тоже придется считаться и что единственным абсолютным признаком принадлежности к МКД остается общая «конечная цель» – коммунизм (в который, впрочем, тоже не все верят).

Отредактировал тексты Терешковой, которая едет в Англию на королевский «день женщины».

Читаю вёрстку «Идеология социал-демократии между войнами». Мы с Галкиным ответственные редакторы. Это совершенно новое произведение: впервые объективно, с полным знанием предмета, критически и без заушательства и приписок разбирается эволюция программ и политических взглядов международной социал-демократии. Между прочим, обнажается почти текстуально совпадение тогдашних их идей с современным «еврокоммунизмом». Грустно, что рабочее движение идет циклами, все время возвращаясь к тем же самым идеям и рецептам в поисках новых или выдавая их за новые, то ли по невежеству, то ли от неспособности или невозможности (объективно) выдумать что-то новое. Коммунисты-ортодоксы отличаются тем, что стараются держаться придуманных классиками идей. И их поддерживает то, что волнообразный и зигзагообразный ход событий иногда соприкасается с прямой, «несгибаемой», линией, на которой расположены идеи классиков.

Продолжаю редактировать VIII том «Международного рабочего движения. Теория и история». В будущем году надо заканчивать эту «эпопею». Не думал, что тимофеевским ребятам удастся найти более или менее приемлемый вариант изображения комдвижения 60-70-80 годов.

<u>12 октября 84 г.</u>

Статья Бугаева вышла в № 14 «Коммуниста». Перечитал. Конечно, вопреки обещанному Косолапов там ничего не смягчил и не изменил. Может быть, действительно что-то есть в обвинениях западников, когда они обращают внимание на то, что длительная «идеологическая борьба», для которой характерны проработки, разоблачения, клеймления, отлучения и т.п. преображают и нравственную природу людей, которые этим занимаются. Они уже и сами перестают замечать, что действуют непорядочно, постыдно…, т.е., конечно, те, кто не потерял до конца совесть и не готов цинично и злорадно писать и делать любую гнусность, лишь бы она была нужна и давала навар им лично. Бугаев, видимо, принадлежит к этой категории – с остатками совести. Он убежден, что делает правое дело. Впрочем, бороться невозможно ни против того, ни против другого вида этой интеллектуальной подлости. Потому, что партийно-государственная «нравственность» даже не считает нужным соизмерять свои действия с «простыми нормами человеческой морали», с элементарной ответственностью за последствия своих действий для отдельных людей. Я, например, убежден, что ни один из Секретарей ЦК, которые завизировали свое согласие под запиской Отдела науки об осуждении Амбарцумова, не читали его статьи. (За исключением, может быть, самого Зимянина). А ведь в результате его почти отлучили от ленинизма, а 20 ученых – членов редколлегии и всю редакцию «Вопросов истории» публично обвинили в безответственном и ложном понимании Ленина.

Вот уже четвертый день я дома. Много читаю, много пробегаю глазами, много пишу и редактирую, по службе и из удовольствия, а вернее потому, что обещал и обязался. Всю последнюю ночь не спал: опять переживал подлость с амбарцумовской статьей.

<u>15 октября 84 г.</u>

В субботу был на выставке картин, представленных на госпремию: убожество удручающее. Выставка туркменской живописи по случаю 60-летия республики: ни одной живой души. Один я пробежал по залам. Зачем такое устраивают? Демонстрация антиинтернационализма.

Сегодня мне Б.Н. по секрету сообщил, что хлеба уродилось меньше 170 млн. тонн - как в худшем из засушливых годов последнего пятилетия. Рассчитывали на 210 млн. тонн, закупаем за границей 50 млн. тонн, невиданное количество! По этому поводу Б.Н. проехался по Горбачеву: мол, поставили его в ЦК на сельское хозяйство. А дела все хуже и хуже. Между тем, он (Горбачев) все время норовит лезть не в свое дело: комдвижение, внешняя политика (это в ответ на мое напоминание о записке по МКД, которая опять залегла у него на столе. Он вспоминает о ней со страхом и отвращением. Все тянет и тянет, рассчитывая, что как-то удастся обмануть время, «обойти», не представлять, увильнуть от этого поручения).

Хвалился, что на Политбюро он, Б.Н., якобы выступил инициатором речи Черненко: что, мол, в ответ на миролюбивые заявления Рейгана, надо что-то и делать, помимо упорных утверждений, что политика США не меняется. Сегодня уже есть проект: МИДа, Генштаба и Замятина (но без «инициатора» Пономарева) – ответы на эту тему Черненко корреспонденту газеты «Вашингтон пост». Не совсем то, что хотел Б.Н. и что мы ему написали… Он, оказывается, посылал это Александрову, но тот посоветовал использовать этот текст в другой связи.

16 октября 84 г.

Был на Секретариате ЦК. Записка Черненко о работе с кадрами. Все правильно: надо молодой резерв иметь, из знающих людей, и чтоб не было уголовников среди партработников…

Гапуров (первый секретарь Туркмении) докладывал, как «выполняется» четырехлетней давности постановление о борьбе «с религиозными пережитками». Сам первый секретарь выглядел убого, жалко, беспомощно, неграмотно. А картина такова: все свадьбы, даже те, которые регистрируются по-граждански и справляются по-комсомольски, потом фиксируются у муллы. Тысячи подпольных мулл. Люди на глазах у общественности живут вроде по советским нормам, а дома, в ауле – по законам шариата. Мальчиков обрезают, 100 % похорон – по правилам Корана и т.п. По 40-50 самосожжений в год. Бобков (КГБ) доложил, что обнаружены даже мюридские группировки. Настроения антисоветские и антирусские очень широко распространены. 270 тысяч работоспособных не работают. 85 % работоспособных женщин сидят дома и ведут образ жизни такой же, как и 100 лет назад. Калым процветает: суммы достигают 10 000 рублей. Лучинский (зам. зав. Отделом пропаганды), выступивший с содокладом, сообщил такой факт: четверо комсомольцев умыкнули девушку прямо со свадьбы и одного из них подпольный мулла тотчас же женил. Муллы сплошь и рядом освящают браки с несовершеннолетними. И т.п.

И вот русские секретари ЦК во главе с Горбачевым искренне удивляются и возмущаются, как все это может быть спустя 67 лет после Октябрьской революции! Я тоже удивлялся.

И приходят в голову невеселые идеи: а не послать ли всех этих туркмен вместе с таджиками, узбеками, эстонцами и прочими к ёб… матери: пусть самостоятельно делают с собой что хотят! Может, обратно запросятся когда-нибудь.

Куда там. Мы Афганистан-то не хотим «выпустить» из рук и пытаемся его цивилизовать и «осчастливить» ценой тысяч жизней своих ребят и всемирного позора на голову страны Советов!

Б.Н. после моего с ним вчера разговора и намека, что Горбачев-таки интересуется запиской об МКД, сегодня вдруг вернул записку с исправлениями и подчеркиваниями. Просто отчаяние берет: добавил газетной аллилуйщины, вычеркнул все попытки серьезно и реалистически оценить условия нашей работы в нынешнем комдвижении. Руки опускаются… Загладин посмотрел, оценил вклад Б.Н.'а в вышеупомянутом духе и послал все мне. А мне – больше всех надо?! А я болею душой и сам не знаю, почему не хочу плюнуть на все и перепечатать, как хочет Пономарев и представить… Но стыдно. Совесть не позволяет.

17 октября 84 г.

Принял польского посла, болгарского посла. Просили рассказать о встрече в ЦК с делегацией КП Великобритании. Был целенаправленно объективен.

«Учел» замечания и правку Б.Н. записки в ПБ об МКД. Но опять же хитроумной редакцией и перефразировкой оставил реалистический подход к современному МКД, ибо другого нет и не будет, как бы это не хотелось Пономареву.

Итальянцы в ответ на нашу статью к 20-летию смерти Тальятти в «Новом времени» опубликовали статьи самых видных руководящих своих деятелей, начиная с генсека Натты – на 16 полосах «Униты», доказывая, что именно от Тальятти идет критическая линия в отношении КПСС и СССР, и утверждение полной «автономии» ИКП. Еще одно доказательство, что никакому Пономареву уже никогда не загнать овец в коминтерновскую овчарню.

21 октября 84 г.

Вчера был у Феликса Зигеля (школьный друг). Поразительны тайны и судьбы. Он, оказывается, духовный сын того самого знаменитого Введенского (инициатора знаменитого религиозно-философского спора в 20 годах). И это – с 1934 года. Мы, все мы, класс, знали Феликса с 1935 года, а некоторые и раньше. Но об этом я узнал впервые. И еще более поразительно, что в 1980 году от «одного духовного лица» Феликс достоверно узнал, что Введенский был оборотнем, что он еще в 1916 году поставил себе целью подняться на верхушку православной иерархии, чтобы разрушить церковь изнутри. (Сам он еврей – выхрест, 1898 г.). И сенсационный диспут с Луначарским в 1928 году был инсценирован в ОГПУ, и с Луначарским заранее договорились, чтоб «правдоподобно» доказать, что Бога-таки нет. И на совести Введенского кровь десятков «святых отцов», начиная с митрополита Петроградского (в 1922 году) – его расстреляли. Затем сам Тихон, патриарх и т.д. и т.п. Показывал фотографии Введенского: облик действительно демонический.

Феликс рассказывает о «потрясении», которое он испытал обо всем этом спустя 28 лет после смерти своего «духовного отца». Но, мол, хотя он великий грешник, но заслуживает снисхождения. «Фотографии его я вынул из-под стекла на письменном столе. Но на могилу его каждый год продолжаю ходить. Не могу иначе».

Поразителен сам Феликс, - профессор геодезического института, автор десятков книг по космогонии, кометам и НЛО, популярный лектор по всем этим предметам. Многие его на улицах узнают. Вполне нормальный в быту, склонный к ёрничеству, скабрезности, всяким выдумкам и полухулиганским куплетам, одновременно вроде добропорядочный отец, примерный семьянин. Словом, вчерашний вечер меня здорово взбудоражил неожиданностью явлений в одном и том же советском мире.

22 октября 84 г.

Встречался с Вассало. Зовет на Мальту в декабре. Куча шифровок, в том числе – зовут в Ирландию – Рабочая партия оперяется, в ущерб КП О'Риордана.

Все гоношусь с «анализом» комдвижения, совершенствую. А Б.Н.'а интересует написанная ему Ковальским и Меньшиковым статья – примитивное поучение, что революционный процесс – не «рука Москвы», как утверждает Рейган, а результат объективных законов.

Завтра Пленум ЦК. Сенсаций не ожидается.

23 октября 84 г.

Был Пленум ЦК. Ждали оргвопросов, их не последовало. Повестка дня – мелиорация. Первым произнес речь Черненко. Он так задыхался, бормотал, «съедал» слова и фразы, что временами ничего понять было невозможно. Хотя, когда я в перерыве пробежал розданный текст его речи, - все оказалось уместным и разумным.

Тем не менее последующие выступающие, начиная с докладчика Тихонова, выспренне оценивали эту речь, как «яркую, глубокую, насыщенную идеями, программную, впечатляющую, глубоко взволновавшую всех нас» и т.п.

И будто в насмешку, перед началом прений председательствовавший Горбачев предложил прослушать граммофонную запись Ленина «Что такое советская власть?», обосновав такое необычное предложение тем, что наши «искусные инженеры» сумели практически восстановить голос Ленина почти без изъянов. Около 10 минут слушали потрясенные эту речь гения… И думаю, не один я сопоставлял ее с речью своего Генсека: чем мы были, чем мы стали.

Поклоны «мудрости» и прочее в адрес Черненко были в каждом выступлении, более или менее вопиющие. Но в отличие от брежневских времен, эти обязательные места ни разу

не сопровождались аплодисментами. Впрочем, весь Пленум, как школьники, вставал, когда Черненко появлялся в президиуме.

Что касается мелиорации, то картина, как и во всем, разная: есть яркие пятна – душа радуется (Алтай, колхоз на Ставрополье…). Но «в целом» картина безрадостная: мелиорируем ведь с 1966 года, почти 20 лет, а в большинстве случаев урожаи чуть больше, чем на богаре, а то и меньше. Зато экологический вред уже очевиден, и то, что сооружено 10-15 лет назад, устарело не только морально, но просто изношено и заржавело.

Одиноко я себя чувствую в этой толпе «ответственных деятелей». Многие из них, действительно, при деле и несут большую ношу, нужную стране. А многие – бюрократический балласт. Но все – лишь «голосующие», без чего, кстати, тоже можно обойтись. Ибо, как и во всех других случаях, все было заранее подготовлено и предопределено. А Пленум – лишь ритуал, от которого, впрочем, ни одно цивилизованное общество не может освободиться, только у каждого - разный.

И вот - выходишь из Спасских ворот… экскурсанты, отгороженные стайками и милицией, глазеют: «ЦК идет! С заседания! Решали!» Невольно в душе задираешь нос, потому что и на тебя смотрят, как на человека, который «там решает!» Смешно.

Пришел к себе – звонок. Пономарев. Говорит, что разговаривал с Горбачевым о «своей» статье (насчет обучения Рейгана истмату) и тот одобрил. Так что, мол, сообщите об этом Косолапову и чтоб побыстрее выпускал номер.

Словом, кому что, а курице просо. Тов. Пономарева интересует не мелиорация и даже не МКД – его интересует его пошлый текст, изготовленный консультантами на уровне учебника для 9 класса.

Мне показалось, что Косолапову и Медведеву, замешанных в истории с Амбарцумовым, неловко передо мной. Показалось даже, что они искали случая поговорить со мной в «непринужденной» обстановке в перерывах Пленума. Но я делал вид, что не замечаю их. И когда приходится говорить с ними по телефону по службе, тоже сухо ограничиваюсь делом, не давая и намека на то, что склонен «объясняться», упрекать, взывать к их совести, порядочности, товариществу…

<u>25 октября 84 г.</u>

Заболел. Оттого и настроение «упадочническое», впрочем, - это и результат «общеполитической позиции». По контрасту удивляюсь на Пономарева, которого опять «прокатили» – голубая мечта стать членом Политбюро не состоялась, а ему, как с гуся вода.

Может из-за болезни кажется, что все рассыпается. В Отделе какая-то расхристанность. Замы не знают, что каждый из них делает, и неделями, а то и месяцами не общаются друг с другом. Каждый, видимо, считает, что он делает самое важное дело: Шапошников, доламывая финнов, то в Хельсинки с Романовым, то в гостинице на ул. Димитрова; Брутенц, присутствуя на «государственных встречах» вверху с арабами, и представляя КПСС на их всяких съездах и мероприятиях; Загладин – на внеотдельской орбите: по Программе КПСС, по подготовке вместе с Александровым записок для К.У. – произносимых потом, как «крупные инициативы» на Политбюро, на встречах с разными парламентскими делегациями и, конечно, на телевидении. А также почти каждую неделю в каком-нибудь журнале и газете. Его работа в Отделе ограничивается приемом партийных делегаций. Он ждет своего часа, а тем временем пытается получить государственную премию за книжку, по которой получил уже докторскую и сейчас хочет попасть в член-коры.

Распад, может, не дошел до нижних пластов Отдела, но до среднего звена – безусловно. Тем более, что объект нашей деятельности – комдвижение – настолько бесперспективный и рыхлый, настолько «результаты» нашей работы не определенны, что безразличие, цинизм, наплевательское отношение к делу, сачкование очень легко внедряются в «почву».

Таково состояние в главном для меня – в службе.

26 октября 84 г.

Вчера перечитал «Исповедь» Л.Н. Толстого. Спорить можно с ним по каждому ряду аргументов, но суть он схватил (вернее воспроизвел из всего предшествующего духовного развития человека) – «зачем мы живем?» И ответа нет. Другое дело, что для миллиардов людей, в том числе интеллигентов, такого вопроса всерьез и не существует. Спросить, например, у Пономарева – зачем он живет?.. Он сочтет спрашивающего за сумасшедшего, а еще хуже – ревизиониста и антисоветчика.

27 октября 84 г.

Вчера съездил в Отдел. Встречался с Клэнси, который пытается воссоздать настоящую компартию в Австралии. Вроде бы долг вежливости. И потом только понимаешь, что в общем-то эта никем не санкционированная, даже с Пономаревым не согласованная беседа (он даже не знает о ней), может повлиять на что-то очень важное в дальнейшей истории целой страны. Там развалилась одна КП, разваливается другая (СПА), Клэнси пытается создать третью – «марксистско-ленинскую, но вполне современную», умудренную всеми плюсами прошлого опыта. Если ему это не удастся - объективно места комдвижению в этой стране нет… А если удастся и дело пойдет?..

Во всяком случае, я говорил от имени ЦК, я «одобрял» и обещал всякую поддержку. Хотя ЦК – ни сном, ни духом. Даже, если бы я попытался доложить в ЦК, никто бы не обратил внимания: подумаешь, какая-то там австралийская компартия и вообще неизвестно, что там происходит, а разобраться и просто знать – некогда, не хочется, и «не нужно».

«Важнее» (перехожу опять на Пономарева) произносить речи перед французскими парламентариями, от чего никакого реального действия не будет (чистый протокол), но зато – почти целая полоса в «Правде» с текстом этой речи, удручающей своей банальностью и болталогией. Вряд ли найдется в СССР десяток читателей, которые прочтут эту речь, а уж во Франции – подавно.

Пробежал архивные публикации Зощенко в № 10 «Нового мира». У него, оказывается, «такое» появилось еще до начала того, когда он стал публиковаться писателем.

Служебные вещи, например, ТАСС читаю с большим увлечением, чем просто литературу, стоящую вокруг на полках. Может быть, опять же потому, что это еще для чего-то пригодится.

Позвонил Тимофеев и предупредил, что есть отзывы на VIII том, а они могут спровоцировать Б.Н.'а на ликвидацию всей двухлетней работы. Я подумал, как отбивать. Надо будет взять слово после доклада Тимофеева.

31 октября 84 г.

Вчера был на Секретариате ЦК. Горбачев в отпуске, после целого лета и осени, когда он вел и Политбюро и Секретариат. Все ожидали, что теперь, временно, Секретариат будет вести Романов – единственный, как и Горбачев, секретарь ЦК – член Политбюро, больше таких нет. Однако, ко всеобщему изумлению, появился сам Черненко.

И это зрелище достойно современной истории. Прежде всего – разительный контраст с Горбачевым – живым, умным, заинтересованным в том, что он делает, верящим, что можно чего-то добиться, человеком с замыслами, с готовностью действовать ради задуманного.

А этот: читает наименование вопроса повестки дня так, что мой внук в сравнении с ним – Качалов. Косноязычно, путая слова, перевирая ударения, без знаков препинания. Сама манера «ведения собрания» - на уровне первичной организации в какой-нибудь мелкой мастерской: «Вопросы есть? Нет.. Кто-нибудь хочет сказать? Вы? Послушаем товарища…»

Комментарии примитивны, однообразны, формальны (лишь бы перейти к следующему вопросу). Выводов – никаких, а заключения к прениям, - лучше бы их не было, потому что ничего не поймешь. Я, например, так и не понял, дали или нет Бондарчуку в порядке исключения государственную премию («Красные колокола») или нет (он не добрал в Комитете по премиям двух голосов).

И вот сижу я, смотрю на этого человека и думаю: как же это так? В великой стране, у богатого талантами народа, создавшего величайшую культуру и произведшего на свет сотни и тысячи людей глубокого ума и уникальной образованности, такой лидер – примитивный, убогий, полуграмотный, серый человек, посредственность из посредственностей, ни в чем серьезно не разбирающийся и не знающий ничего основательно. А от него зависят судьбы мира, сверхдержава в его руках, он располагает властью, сопоставимой разве с властью диктатора банановой республики: одного слова его достаточно, чтобы любой в нашей стране оказался не там, где он есть, и не тем, кто он есть.

Как же все это так? В век НТР, в конце XX столетия?!

Сегодня утром убили Индиру Ганди. Подумал: как же идет история, которая, как известно, определяется марксовыми законами? Как образуются точки высокого напряжения в мировой политике, чреватые тягостными последствиями для целых народов?

Корейский самолет..

Дело Абушара.

Убийство Индиры Ганди.

Убийство польского ксендза.

Смерть Андропова.

Ну, и т.п.

Непомерная власть средств массовой информации, которая вовлекает в мировую политику миллионы и сотни миллионов людей (о чем мечтал Ленин), превращает эту мировую политику в сцепление случайностей, грозящих взорвать человечество.

1 ноября 84 г.

Обсудил с Тимофеевым и К^{о} идеи и концепцию межпартийной конференции – «Рабочий класс 80-х годов и коммунисты». Обсудил с ним же, что надо еще сделать по VIII тому после заседания главной редакции.

Пономарева посылают в Бухарест: Чаушеску захотел обсудить с одним из секретарей ЦК КПСС актуальные международные проблемы и состояние коммунистического движения.

Значит, праздники (или наполовину) у нас горят: надо готовить «позиции» - 11-го он улетает.

Б.Н. заторопил с запиской об МКД, должно быть, хочет ее протолкнуть, пока Горбачев в отпуске.

Дело Амбарцумова закончится рутинными обсуждениями: на специальное заседание редколлегии «Вопросов истории» посылают академика Тихвинского, чтоб провел «воспитательное обсуждение». Федосеев спросил у Богомолова – директора института, где работает Амбарцумов, собирается ли он реагировать на статью Бугаева? Тот ответил: да, мы обсудим в секторе или на собрании, но и выскажем свое мнение о статье Бугаева, а не только о статье Амбарцумова. Я звонил сегодня Богомолову по делу, а потом спрашиваю: «Олег, я надеюсь, ты не позволишь, чтобы Женьку уволили или как-то прижали»… Он: «Еще бы! Я слышал, как ты вступился за него. Спасибо тебе. А, между прочим, я слышал из уст самого Зимянина, что не должно быть никаких «административных выводов», а потом и Медведев мне это подтвердил».

В лифте сегодня встретил Сенкевича (референт по Польше из соседнего отдела). Спрашиваю: «Ну, как поляки отреагировали на Бугаева?» Он: «Да, что вы! До этого ли им. У

них сейчас забот с Пжелюшко (убитый ксендз) хватает. А потом они – солидные люди. Будут они из-за какой-то статьи цапаться на политическом уровне. Это у нас есть до сих пор людишки, которых хлебом не корми – дай такую наживу. Вздор все это, выведенного яйца не стоит».

Итак, получается, что из всего этого дела один я для себя сделал оргвыводы. Но я не жалею. Кто-то должен же поступать и по правилам порядочности. Может быть, этот мой поступок у кого-то и отложится, может кому-то из шкурников и прохвостов он попортит репутацию, в том числе и Трухановскому, - хотя по соображениям презрительной снисходительности я его понимаю.

2 ноября 84 г.

Вернулась Светлана Сталина. Помнится ее последнее интервью «Гардиан» весной этого года. Ностальгическое. Много всяких чувств вызвало это сообщение, хотя о том, что ей разрешили вернуться (по записке в ПБ Громыко и Чебрикова), я знал два месяца назад.

Вспомнил, в частности, как я в 1948 году был у нее оппонентом по дипломной работе на истфаке. Смех! Помню, как «хорохорился» и всякие там «критические» замечания излагал… На меня шикали.

9 ноября 84 г.

Последний день праздников. Ермонский, наш консультант, сообщил мне («не для распространения»), что его вновь направляют «на дачу» писать… биографию Черненко.

Словом, мы имеем повторение брежневского варианта, только в ускоренном темпе: у этого мало времени.

5-го и 6-го была служба… Ничего интересного, кроме того, что Б.Н. мной однажды поинтересовался: «Когда же выйдет его статья в «Коммунисте»…, ведь нужно до выборов (в США)» Боже мой!

Забегал ко мне Загладин. Рассказывал о Японии, где он пробыл две недели с парламентской делегацией Кунаева, – XXI, может быть XXII век. Страшно и горько все это слушать.

На Красную площадь не пошел. Боролись два чувства: старого боевого коня, который каждый раз слышит в этом празднике зов юности, чего-то высокого, значительного, когда немыслимо сидеть дома, а надо «общаться с массами» и - отвращения к тому, во что этот праздник превращен теперь (впрочем, давно уже), а также нежеланием идти в отсек для ЦК рядом с Мавзолеем и общаться с себе подобными по рангу, но совершенно чуждыми по духу.

Не пошел… А пробежался по пустынному Садовому кольцу, потом пошел пешком в Кремль, на прием. Мелькания: объятия с Урбани… Для меня – пожизненное приглашение в Люксембург, очень уж я им подошел, когда был у них на съезде. И свои: Брутенц с женой, одетые по-восточному (он только что из Ливана и Сирии), его объятия с Поплавским (первый зам. управляющего делами ЦК). Стало ясно, почему он пользуется «благами», которые недоступны, например, для меня, хотя я и «кандидат в члены ЦК», а он – нет. Загладин и Арбатов с женами; Замятин, Яковлев (бывший посол в Канаде). Между прочим, он мне сообщил то же, что я услышал накануне в парикмахерской от Вольского. Я уже уходил, он только уселся. Прощаюсь с ним, а он - весельчак, говорит: «Посмотрите на этого человека, - уперся мне в грудь пальцем. - Это, кажется, единственный в аппарате ЦК зам., который не подал в академию» (в декабре туда очередные выборы и опять всех обуял психоз скачек с препятствиями, где теряются все нормы порядочности, морали, чести, достоинства, в том числе и у многих из аппарата). Не думаю, что это случайно, скорее - из одного источника.

11 ноября 84 г.

Вчера второй раз приходил Брутенц. Польстил мне – какой я был элегантный на приеме в Кремле и что ко мне «тянутся», якобы, люди: то один подойдет, то другой, сам же я ни к кому не шел… А явился он, чтоб, взяв справочник АН СССР, выбрать академиков и член-коров, отметить их галочками – и я должен им позвонить, чтоб они за него голосовали на декабрьских выборах в Академии наук.

Сегодня с этим же примчался ко мне Толька Куценков. Этот, в отличие от Брутенца, который с надрывом и сверх серьезно, в своем цинично-веселом стиле: мол, все играют в эту грязненькую игру, почему бы и мне не поиграть – такова жизнь!

И я подыграл: с серьезным видом обсуждал и с тем и другим, кому лучше звонить и с какими шансами. Хотя противно, отвратительно. Зачем меня-то втягивать? – «единственного из замов, как свидетельствовали Вольский и Яковлев, который не подал на выборы в академики»!

Но обижать не хотелось. Не хватило характера отказаться, что означало бы сказать прямо в лицо, что я их презираю.

Прочел сегодня в «Правде»: Боголюбову, зав. Общим отделом дали Героя социалистического труда в связи с 75-летием. Членам Политбюро за эту дату дают орден «Октябрьской революции», в том числе Пономареву, Устинову, а жополизу-чиновнику, который бумажки подносит, – Героя. Потому, что он это делал при Брежневе, когда был замом у Черненко, бывшем в то время в этой должности. Потому, что он и при Черненко – друга, приятеля – верный пес и наушник. Ужасно. Вот так плодят сами всяких Щелоковых, которого, наконец, «в связи с многочисленными письмами трудящихся», вывели из инспекторов при министерстве, лишили маршальского звания и орденов и исключили из партии. Только что под суд не отдали: не удобно перед Западом.

Б.Н. поехал в Бухарест к Чаушеску. Сегодня собрал меня, Загладина, Шапошникова: под впечатлением умиротворяющего обмена посланиями Рейган-Черненко, размышлял, как нам теперь организовывать борьбу против американского империализма. Отменил свои поручения, данные два дня назад на таком же совещании – чтоб со всего мира слать в Белый дом петиции с требованием от Рейгана перейти от предвыборных слов о мире к делу.

Пропагандистский склад ума подавляет само содержание ума, в котором, казалось бы, Б.Н'у не откажешь.

12 ноября 84 г.

Приближается встреча с Холландом (личным представителем Киннока), который во главе делегации лейбористской партии приедет к Черненко 21 числа.

Холланду я должен буду объяснить рамки встречи на высшем уровне. Между тем, о том, что именно я должен с ним говорить, знает только Пономарев, который не может дать мне никаких официальных инструкций, потому что сам их не знает. Правда, по моему настоянию Политбюро поручило МИДу и минобороны подготовить позицию – что можно ответить на объявление лейбористами своей страны безъядерной зоной. Но это будет готово лишь к приезду Киннока, который, однако, хочет знать нашу позицию заранее.

Вот так у нас делаются дела: в одних случаях все зажато, в других – полное безразличие к тому, что может иметь реальные политические последствия. Буду трепаться на «философские» темы.

Был у меня Волобуев (академик, бывший друг), передавал сплетни о том, как восприняли в Академии статью Бугаева и всю эту историю. Академики по такому случаю с карандашом прочитали статью Амбарцумова и пришли к выводу, что он прав (включая такие авторитеты, как столетний Дружинин, Ким и даже Минц). Вообще же академическая среда ворчит и негодует. Богомолов, где работает Амбарцумов, несмотря на грозную речь инструктора Отдела науки ЦК, заявил после обсуждения статьи в институте: ЦК нам

поручил разрабатывать сложные проблемы, в том числе о противоречиях и кризисах при социализме. В этой работе могут быть и огрехи, ошибки, разные мнения. Но ЦК поощряет обоснованный риск в научном поиске. А то, что написал Бугаев, - не вклад в научный поиск, а административный окрик.

Так, что, - заключает Волобуев, - твой моральный престиж в академической среде только укрепился из-за всей этой истории, а твое заявление об отставке из редколлегии «Вопросов истории», хотя и не одобряется, но вызывает восхищение. В наши времена такие поступки большая редкость.

13 ноября 84 г.

Готовил памятку для Черненко к его встрече с Кинноком. Трудно это – «выдумывать из себя», когда понятия не имеешь не только о том, что он, Генсек, и мы вообще, готовы сказать лейбористам, но и о том, какое у него представление об этой партии, знает ли он хотя бы приблизительно, с кем будет говорить. Впрочем, это ему до лампочки: что дадут, то и прочтет скучным задыхающимся голосом. Но, увы, есть такой порожек, как Александров-Агентов, который на этот раз тоже, кажется, не знает, что же нам нужно от лейбористов и вообще, нужны ли они нам.

Умер Иван Павлович Помелов. Он долго работал в «Коммунисте», был консультантом в нашем отделе, а до этого помощником Кириленко (одно время – третье лицо в партии, рвавшийся быть вторым, вместо Суслова). Мы с ним познакомились в 1961 году летом, в «Соснах-2» (госдача), когда сочиняли доклад о Программе КПСС для Хрущева к XXII съезду партии. Он отнесся тогда ко мне, как к меньшому брату, несмысленышу, но по-товарищески и открыто. Жили вместе на терраске. Он из тех честных партийцев, которые бескорыстно делали, что партия велела в каждый данный момент, но в душе глубоко переживали бардак. Итак, еще одна смерть рядом.

15 ноября 84 г.

Вчера четыре часа говорил со Стюартом Холландом. Породистый, молодой англичанин 44-х лет, автор десяти книг и многих лейбористских документов, теневой министр. Только что был в Никарагуа наблюдателем на выборах. Совершенно свободный ум, все понимает, все о нас знает, хотя ни разу у нас не был, без антисоветских предрассудков, но по-английски практичен и откровенен в постановке вопросов.

Мы с ним обсудили все. Я взял на себя сказать ему такое (конечно, «в предварительном порядке»), что они хотели бы получить от нас, чтобы побить Тэтчер и стать у власти, в том числе пообещал, что мы откликнемся, если Англия, действительно, откажется от ядерного оружия.

Даже о правах человека (а он привез целый список, кого освободить из тюрьмы, кого выпустить за границу) мы сумели поговорить в духе «взаимопонимания». Он заявил в конце, что не только удовлетворен, но «прямо воодушевлен» результатами разговора. Ему есть, что доложить Кинноку.

Вечером я получил разработку МИДа и минобороны о том, как мы сможем ответить на объявление Англии безъядерной страной. И к своему удивлению увидел, что предлагается почти то же, о чем я говорил англичанину и что может удовлетворить лейбористов.

Закончил памятку для Черненко. Завтра пошлю Александрову, но в ней 14 страниц, а наш Генсек может произнести не больше 6. Договорились, что что-то отдадим Пономареву, если ему дадут слово на высшем уровне или, когда он будет встречаться с Кинноком отдельно.

Вечером встречал Пономарева из Румынии. Чаушеску вдруг выступил за Совещание… Что-то тут подозрительно. Или продать нам хочет это за что-то более существенное для него, например, за нефть.

Потом поехал к Куценкову. Обсудили казус «Амбарцумов-Бугаев» и мою роль в нем. Статью Амбарцумова, которую никто не заметил, когда она появилась, теперь читают все нарасхват: от академиков до студентов. И почти нет данных, чтобы кто-нибудь похвалил Бугаева. Вот чего достиг наш главный идеолог и марксист-ленинец т. Зимянин этой своей акцией.

Но, увы! Надвигается идеологическое помрачнение; силы идеологического погрома поднимают голову. Сегодня Лихачев мне сообщил, что на редколлегии «Коммуниста» с разгромом завалили статью нашего Вебера, в которой – та же концепция, которую он защищал в докторской диссертации месяц назад и получил 100 % «за» ученого совета. Причем, клеили идеологическую несостоятельность, ревизионизм. И Косолапов возглавил этот погром работника Международного отдела ЦК вслед за пушечным выстрелом в мой адрес – статьей Бугаева. Худо дело!

В понедельник выезжаем «на дачу» на Клязьму: дописывать доклад к Пражскому совещанию. Как я буду совмещать это с лейбористами – ума не приложу.

<u>16 ноября 84 г.</u>

Александров правил мою памятку для Черненко. Неожиданно «в целом» принял ее, только «упростил», изъял то, что я вставил по просьбе Холланда, и сократил.

Был Трухановский. Руки дрожат, едва бумажка в них держится. Это он записал, как со мной говорить. Открытым текстом просил помочь ему стать академиком. Излагал свои достоинства перед «конкурсантами», осведомлял меня о неблагоприятных моментах – по сравнению с другими. Говорил: «Последний шанс, мне 70 лет. Больше уже не будет возможности», - будто речь идет о всем смысле жизни. Жалко, смешно.

То и дело возвращался к «эпизоду» со статьей Амбарцумова, о том, как Бромлей на экспертной комиссии пытался «отвести» его, Трухановского, из кандидатов в академики: мол, это будет вызов по отношению к ЦК (после статьи в «Коммунисте»).

Уходя сообщил: «На Тихвинского (академика–секретаря исторического отделения) Ваше заявление произвело ошеломляющее впечатление. Такое, мол, в наше время не часто встретишь».

Ходил я и к Пономареву хлопотать за Трухановского. Он мне в ответ, мол, был у него Федосеев, говорил, что Трухановский оглох, ничего не «вяжет», впадает в маразм (что – ложь явная: Федосееву надо завалить Трухановского, чтоб продвинуть своего протеже – Виноградова), а главное, мол, «что-то он мне говорил, анонимки какие-то что ли», - мучительно пытается вспомнить Б.Н. Я подсказываю: «Статья Амбарцумова?» «Да, да ну, как же!» - развел руками.

Вот тут я завелся. И выложил ему с ходу и о том, что он сам не читал Амбарцумова, а «приговор» ему подписал. И никто не читал, кроме Зимянина, который вообще ни в чем не разбирается, делает все с налету, колготится, шумит, всех поучает, размахивает руками и это называется идеологической работой.

Изложил Пономареву в чем пафос статьи Амбарцумова. Он мне: «Ну, уж не такие все дураки, чтоб за это критиковать!»

Я: «А в «Вопросах истории» – все дураки, чтоб ничего такого не заметить, что велел «заметить» Зимянин? А за полгода неужели не нашлось во всем СССР пенсионера, который не заметил бы в ней идеологической крамолы, если бы она там была?!»

И тут он начал отплывать, как от всего неприятного. Но я не отставал и заявил, что в идеологической работе под руководством Зимянина начинают явно проступать трапезниковские приемы, и недаром поднимают головы вновь всякие подонки, которые всегда греют руки и делают карьеру на идеологических разоблачениях и защите «чистоты марксизма-ленинизма».

На том и кончился мой всплеск. Но я все таки под занавес успел похлопотать за Волобуева. На что никакой реакции не получил, кроме «защиты» Хромова, которого Б.Н.

ненавидел, когда тот был зав. сектором у Трапезникова, а теперь считает, что раз он директор (Института истории АН СССР), его надо поддерживать.

Словом, и Трухановский, и Федосеев, и Пономарев – все они одного поля ягодки, взращенные сталинско-брежневской эпохой. Противно играть в их игры, тем более, что я-то от этого «ничего не имею», как и сказал, уходя, Пономареву. «Мне ведь, вы понимаете, ничего не нужно, я человек во всем этом – сторонний. Только хочется, чтобы раз уж так заведено в Академии, не самые плохие вылезали наверх».

Горбачев запретил баллотироваться работникам ЦК. Так что и Брутенц, и Шахназаров, и Загладин отпали сами собой. Впрочем, Вадиму Медведеву разрешили.

17 ноября 84 г.

На работе написал еще 3 страницы для памятки Черненко к визиту Киннока. Надо было учесть его речь на Политбюро по плану на 1985 год к Сессии Верховного Совета, впрочем разумной речи, как и другие его речи, которые ему пишут умные и озабоченные делом люди.

Начал еще раз править то, что прислал обратно Александров (для этой же памятки). А еще сегодня надо готовиться к началу работы «на даче» перед Прагой.

Посмотрел двухсерийный фильм «Берег» (по Бондареву). Произвело. Все сильнее ощущаю свое прошлое в войне. Как и герой фильма – там я окончательно сформировался, и уже ничто меня принципиально изменить не могло. И эта основа – чем ближе к концу и чем очевиднее, что «дальше фронта не пошлют» и терять нечего, перед Богом скоро представать, - тем явственнее она воздействует на все мое поведение и отношение к жизни и людям.

Фильм официально очень сильно рекламируют. Объявлена всесоюзная премьера и идет он «с предисловием» режиссера Наумова, уже имеет премию Всесоюзного фестиваля, но фильм не массовый, и зритель его не воспринимает. Это – интеллигентский фильм. Операторски сделан превосходно, хотя и с затянутыми кадрами. В романе критика сознательно не заметила «тогда» его крамольность, классовой неортодоксальности. В фильме же эти моменты стерты. И кто не читал, тот не поймет почти диссидентского подтекста.

Брутенц рассказал эпизод. Был он как-то у Пономарева. По какому-то поводу надо было позвонить Громыко. И вот секретарь ЦК, кандидат в члены ПБ испрашивает сначала разрешения позвонить министру у его помощника. Тот обещает доложить… Разрешает. Пономарев звонит. Тон подобострастный, просительный. И вдруг слышно: «Да, да…» и бросает трубку, когда Пономарев еще не успел закончить фразы.

Таковы отношения в Политбюро. Такова монополия одного из триумвирата.

1 декабря 84 г.

С 19 ноября на Клязьме, вроде бы тоже «теоретическая дача». Доклад для Б.Н. на совещании по журналу ПМС в Праге, куда едем в понедельник.

Одновременно – с 23 числа приезд Киннока, Хили и проч., плюс его помощник Кларк. Два дня они провели в Ленинграде. В Москве – все, что только захотят. (Кларк приходил «расширять» программу). Они не ожидали такой открытости с нашей стороны: каждый день и час рушились стереотипы об «этих русских». Но ждали главного – приема у Черненко. И получили, что хотели и о чем просили, для этого загодя приезжал Холланд: мы уничтожаем ту часть ракет, которая эквивалентна превращению Англии в безъядерную зону и гарантируем, что наши средства не будут направлены на их страну.

Встреча у Черненко. Он в том примерно состоянии, в каком Брежнев был последние два года. Зачитал написанное и безучастно слушал ораторскую реакцию Киннока. Но тот, несмотря на всю мою подготовленную работу, все таки полез с уточняющими вопросами. В воздухе запахло конфузом. Александров начал что-то бешено писать и передавал Черненко.

Тот, шевеля губами, пытался вникнуть. Начал было отвечать, но Александров решил «перебить» и сам все «объяснил». Англичане смекнули, что они «перешли грань» и стали свертываться. Ибо – они получили главное, что нужно было для их политики дома, для – против Тэтчер.

Мои «дискуссии» с Кларком о правах человека. Неладное было с сообщением для печати. Разнимать пришлось Пономареву, который всех их принимал, когда мы с Кларком спорили у меня. Обошлось. Б.Н. им намекнул, что неудобно выжимать из нас еще и «права человека», когда и так получили больше, чем ожидали. Вообще он вел с ними беседу на приличном уровне.

Обед на ул. Димитрова от ЦК давал я.

Прием в посольстве. Оживленный разговор. Уезжали они совсем не такими, какими явились. Я имел часовой разговор с Кинноком в аэропорту, в ожидании опоздавшего Пономарева.

Словом, операция прошла удачно.

Но тут же погрузился в обыденщину. Столкновение с Б.Н. по поводу раздела о «реальном социализме»: и сюда он тащил апологетику и хвастовство, несмотря на все партийные документы последнего времени. Неисправим: мозг отравлен собственной пропагандой.

А еще и хамелеонство. Заставил вставит абзац о величии Черненко. Поручил это любимцу Пышкову, а когда увидел, что в одном абзаце 5 раз упомянута фамилия, набросился на меня. А я взъярился, заявив, что поначалу на этом месте было совсем иное: о трудностях социализма и о том, как надо к ним относиться зарубежным коммунистам. Он совсем обиделся: «Что, мол, мы нервы портим друг другу, будто вы не понимаете о чем речь! Вот вы не были на Сессии Верховного Совета, а я был и видел, что там делается» (в смысле оваций Черненко). Я умолк: безнадежно спорить с человеком, который думает одно (и хочет одного), а заставляет себя делать прямо противоположное.

Он то и дело дает намеками понять, что Черненко – пустое место, что ждать от него какого-то мнения невозможно, он уже не способен ни думать, ни говорить. «Три дня в неделю у него выходные, а в остальные – по несколько часов»…

Вчера он добавил: «Вышло решение о съезде. Съезд назначен на ноябрь-декабрь 85 года. Торопится! И все там будет – и Программа, и прочее в одном докладе. Торопится на второй срок!» И опять стал жаловаться на то, что эти «кудрявые» (намекает на Печенева, помощника Генсека) хотят начисто перечеркнуть прежнюю Программу (которую Пономарев считает свои детищем).

Ну что можно ожидать от такого политического деятеля, единственное достоинство которого в том, что он в свои 80 лет может еще что-то говорить и от себя, а не только по бумажке, написанной двухсантиметровыми буквами.

Разговор с Трухановским по телефону. Каялся, что написал в «Коммунист» покаянное объяснение и что запустил в свой номер статью об Амбарцумове, аналогичную бугаевской. Я на этот раз разговаривал с ним жестко и «презрительно». Сказал: покаяние перед Косолаповым означает признание полной правоты Бугаева, его бандитской статьи. Помимо того, что это недостойно по-человечески, это и неправильно тактически. Распинаться - значит признавать себя раздавленным, лишать себя права на собственное мнение. И вообще – чем больше достоинства и характера в этой ситуации, тем лучше было бы и для Вас и для журнала.

По ту сторону провода я почувствовал, он совсем готов расплакаться. Только твердил: «Я не мог поступить иначе, поймите. Прошу Вас не судите меня строго. Я очень огорчен, что Вы можете изменить обо мне свое мнение; Вы знаете меня 20 лет. Приходите ко мне домой, я Вам все объясню» Ужасно все это! Можно было «понять» такое при Сталине, когда ставкой была жизнь… или тюрьма. А сейчас: «ставка» получать в месяц 1000 рублей или 1200, называется академиком или членом-корреспондентом!

Читаю удивительную книгу: С.Л. Абрамович «Пушкин в 1836 году». На каждой странице – открытие, а написана так, будто всем все давно известно. Простота таланта заставляет видеть людей, время, улицы, дома, ситуации, страсти, мелочи… И Пушкина во всем его необозримом величии.

Пришел 27 том Достоевского. Дневник писателя за 1881 год – читаешь, будто это дневник за 1984 год, только иносказательно написанный и немножко архаичным языком. Неужели и правда – Россия, меняясь, неизменна по глубинной своей природе?!

20 декабря 84 г.

Большой перерыв, так как была Прага, потом Испания.

В Праге по ПМС. Б.Н. в своем длинном дидактическом стиле. Но намек на совещание был «понят» и поддержан многими, некоторыми очень активно.

Японец опять потребовал закрыть журнал, который превратился «в пропагандистскую машину КПСС» и «во второй Коминформ». На него обрушились почти все. Особенно осуждали его призыв отказаться от борьбы против антисоветизма.

В целом же собрание было более лояльное по отношению к нам, чем многие другие многосторонние встречи за последние годы.

Безвылазно привязан к заседаниям и писанию бумаг. Отчеты в «Правду» каждый день, шифровки в Москву, речи для Пономарева по TV, перед Гусаком на приеме.

Испания. Съезд социалистов (с 13-16 декабря). Мадрид. Встреча: Дубинин Ю.В. и весь основной посольский состав. Прием по случаю представления книги Черненко.

Открытие съезда – Гонсалес. Проблемы НАТО. Гонсалес в перерыве подошел ко мне. Вспомнил, как три года назад кутили на вилле у посла.

Прадо. Улицы Мадрида. Гостиница «Кастельяно». В «Мерседесе» по городу и на съезд и без песеты в кармане: Дубинин попросил все представительские себе.

Две жесткие беседы с лидерами, созданной нами новой КП.

Прогулка по вечернему Мадриду с послом и другими.

Барселона. Собор и дома Гауди.

Безденежье. Унизительно.

Париж. Посол Воронцов Ю.М. Ужин.

Возвращение в Москву.

23 декабря 84 г.

Умер Устинов. Хоронят обыденно. Видно, не хотят «акцентировать». Загладин рассказал сплетню: Александров слышал разговор своего шефа с кем-то о том, кем можно было бы заменить Тихонова. Черненко «выступил» со статьей в «Коммунисте» № 18, теоретической, предсъездовской. Я пока слышал ее только по радио. Производит впечатление – корреспондирует с его выступлением на ПБ по поводу того, что апрельский Пленум должен будет принять решение о XXVII съезде – ноябре-декабре 1985-го и как к нему готовиться. «Самобытно». Дать делегатам выговориться, против парадности и формализма, «съезд реалистов и новаторов». Статья, действительно, в пафосе реализма. Дай Бог! Но не корреспондирует с личными данными Генсека, это настораживает.

На школьной встрече у Алины по случаю дня рождения покойника Вадьки, я очень отстаивал значение слов, которые будут сказаны на съезде. Это было в субботу вечером, а в пятницу Загладин затащил меня к себе беседовать с Уинцингером (зав. международным отделом ЦК французской соцпартии). Загладин ведет серьезные переговоры с социалистами Франции, а по мне это пустое занятие. Я был раздражен, торопился, поэтому не удержался и порассуждал о пользе подобных визитов, но вежливо, намеками. Переговоры шли по-французски. Я с этим справился, но когда произносил что-то длинное, делал это через переводчика, впрочем, неплохого.

Читаю «Дети Арбата», вторую часть, первую читал два года назад. Говорят, что вмешался Горбачев и будто разрешили печатать в начале 1985 года в «Октябре». Очень сомневаюсь. Сталин у Рыбакова идет как литературный герой, с внутренним монологом, в котором все время контрастирует себя с Лениным. Роман этот – попытка разгадать, что такое Сталин психологически и философски и почему он стал возможен. Но последнее – смесь Достоевского с Медведевым.

Роман большого таланта.

Послесловие к 1984 году.

Это – год становления Горбачева как государственного деятеля общесоюзного и международного масштаба. Еще при больном Андропове на этой необычной для советских верхов фигуре концентрировались надежды социально и физически уставшего, идейно обессмысленного общества, которому опротивели фарисейство, ложь и показуха, давно ставшие характерными приметами режима.

Разочарование, что не Горбачев, а Черненко был избран Генеральным секретарем после смерти Андропова, окончательно убедило в безнадежности и государственной безответственности высшего руководства страны, пораженного маразмом и старческим эгоизмом. Горбачев хорошо воспользовался этим, наращивая свою активность и демонстрируя интеллектуальное и политическое превосходство над «коллегами».

Объективная обстановка благоприятствовала его восхождению. Сгущались краски всеобщего застоя (этот термин употребляется в записях задолго до того, как он стал официально «партийным»). Экономика деградировала. Сельское хозяйство окончательно лишилось способности накормить страну: треть хлеба импортировалось, истощая золотой запас и поглощая большую часть нефтедолларов. Утаиваемый от населения колоссальный государственный долг – в условиях падения мировых цен на нефть – грозил вот–вот финансовым крахом.

Рычаги управления отказывали. Вопиющая картина бездарности, серости и лживости, перерождения обюрократившихся начальников демонстрировались каждый раз при отчетах министров и секретарей обкомов на заседаниях Секретариата ЦК КПСС и в Политбюро.

По роду занятий автора записок ему особенно была видна губительная неадекватность главных персон, ведавших международными делами. Громыко и его замы , Устинов, Пономарев, Русаков, Рахманин… являли собой полную неспособность реагировать на перемены во внешнем мире – на социально–политические последствия НТР в западном обществе, на «мирное наступление Рейгана», на недовольство социалистических союзников своим положением сателлитов, на фактический «уход от нас» и распад большинства звеньев международного коммунистического движения, который начался задолго до того, как мы, КПСС, прекратили оплачивать «братские партии».

«Узбекское дело» во главе с первым секретарем компартии союзной республики Рашидовым обнаружило не только «трансформацию» социалистического порядка в восточную квазидеспотию, но и полный провал национальной политики искоренения ислама с помощью окультуривания на европейско–русский манер и насаждения интернационалистской атеистической идеологии.

Тем не менее, вряд ли можно было найти в СССР человека, который в состоянии был бы предвидеть, что члены ЦК КПСС, а некоторые потом и члены Политбюро, возглавят в бывших советских республиках самодержавные и даже профашистские режимы.

Цинизм, раболепие, погоня за должностями, званиями, орденами поразили большую часть т.наз. «творческой» интеллигенции и научную среду. Более того, в этом году отчетливо стали проступать – и в номенклатуре партийно–государственной, и в среде интеллигенции, да и в духовно обесточенной широкой массе «простого народа» – последствия того копившегося десятилетиями морально–политического разложения, которое потом, когда был снят тоталитарный колпак, позволило так легко загубить Перестройку, а разрушительной и воровской ельцинской «элите» – овладеть властью и собственностью нации.

Наряду с этим очевидны были также и признаки идеологической оппозиционности среди части интеллигенции, требования свободы мысли (под прикрытием возвращения к «ленинским нормам»). Ползучее, неоформленное, часто не осознанное диссидентство становилось все более влиятельным в художественной и научной литературе, в кино, в живописи. Оно проникало и в верхний эшелон интеллигентского партийного аппарата. Это находило отражение, в частности, в «творчестве» спичрайтеров. Генсек (и другие «вожди») публично и в беседах с иностранцами говорили такое, с чем никогда бы не согласились, если

бы понимали суть красиво написанного для них. Произносимые ими тексты и «культурно» оформленные заявления расходились с их взглядами и догмами, противоречили самому их менталитету и всему тому, что они делали и как себя вели на своих постах. В результате еще более явной становилась лживость власти и ее интеллектуальная беспомощность.

Горбачев все это видел. Понимал, что страна потеряла ориентировку, что идейная и физическая болезнь общества достигли высокой степени. Однако в том, что он делал и говорил, по крайней мере в этот период, невозможно различить сомнений в основах системы, порочной в самой ее сталинистской природе. Он верил, что болезнь излечима и что лекарем может стать (как бывало не раз за 70 лет) и будет партия,.. очищенная от скверны, налепившейся на ней после Ленина. Он верил в чистоту и нравственную силу идей ленинизма, в притягательность и авторитет иконизированного образа Ленина. И, конечно, полагался на дисциплину, проще говоря, покорность кадров, привыкших делать то, что придумает и прикажет «Центральный Комитет»… в лице Генерального секретаря. Надеялся и на энтузиазм, который может вызвать новизна замыслов и «больших целей».

Записки этого года проникнуты отчаянием автора перед лицом глупости, подлости, бездарности и своекорыстия стоявших над ним и рядом с ним разных деятелей, так или иначе влиявших на положение в стране, на политику. Его угнетало безразличие к судьбам страны в близкой ему среде, среди его коллег и «подчиненных», их цинизм и стремление увильнуть от своих обязанностей. Местами он выглядит почти единственно «хорошим» среди них. Это не от нескромности, а от безнадежности, которая толкала его с энтузиазмом воспринимать малейшие обнадеживающие признаки, одно время – даже видеть их в текстах, произносимых Черненко. Суждения автора о своих коллегах резки и порой несправедливы, хотя и опираются на факты. Теперь–то ему ясно, что их поведение и отношение к «делу» объяснялось нежеланием «выкладываться» ради того, во что они не верили и что по заслугам презирали (как и главных носителей этого «дела»)… Но они, доктора и кандидаты наук, продолжали ему служить, как и автор записок, у которого, наверное, было более обостренное «чувство ремесла»: если что–то делаешь, делай хорошо, независимо от того, куда пойдет твой продукт.

Характерно, однако, что ни один из коллег и друзей автора по консультантской группе Международного отдела ЦК КПСС не «нашел себя» и «не устроился» при новом режиме в новой России.